

ТЕНЬ
Киросильва
ИГОРЬ ГОРЕВ

Игорь Горев

Тень Хиросимы. Роман-легенда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17194565

ISBN 9785447450939

Аннотация

Роман многогранен: он одновременно фантастичен, мистичен и социален. Поражает словесное мастерство автора, его многочисленные придумки, шуточки, игра словами и образами. Во многих героях романа угадываются реальные исторические деятели современной эпохи, но автор умеет уклониться от любых возможных обвинений в шаржировании или клевете. Читайте роман, и вы получите не только уроки реальной жизни, но и наслаждение от отличной прозы. (Носков В. Г.)

Содержание

Часть 1	5
Часть 2	101
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Тень Хиросимы

Роман-легенда

Игорь Горев

От теней цветов не укрыться никак,

И справа и слева они;

Одно только слышится пение птиц

На западе и на востоке

Цао Сюэ-Цинь

© Игорь Горев, 2019

ISBN 978-5-4474-5093-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

*На его месте мог оказаться каждый,
но оказался он*

Как он стал тенью? Как и все – незаметно.

Где-то на бескрайних просторах Земли брёл человек по узким улочкам своей маленькой родины. Шёл по Своим Делах, погружённый в Собственные Мысли. Шёл, обуреваемый Желаньями, подгоняемый Заботами и преследуемый назойливой Нуждой. Ему хотелось отмахнуться, отстраниться, убежать, спрятаться, забыться, чтобы только не слышать бесконечных: «должен!», «хочу!» и «надо!»

Но как, как отстраниться? и куда бежать? Он прекрасно понимал, что некуда. Везде его поджидают кривые улочки маленьких родин!.. А Желания, Заботы и, наконец, Нужда!?

От себя не убежишь, не скроешься. Если рождение – судьба, тогда смерть – рок? Или может наоборот?..

Короткая яркая вспышка, и уже нет ни вопросов, ни тем более ответов. Все, что осталось от неживучивого, вечно сомневающегося, беспокойного и любопытного прошлого, – тень. Неясная тень на холодном камне чудом уцелевшего моста. Чудом?..

Чушь! Очередная чушь?! Перо с лёгким шуршаньем падает на письменный стол...

И всё же он стал Тенью.

Чьей-то тенью на картине, где сочными, живыми красками были нарисованы портреты, баталии, натюрморты, пейзажи.

Остров Тиниан. Один из островов Марианского архипелага, затерянный на бескрайних просторах Тихого океана, мирно загорал в лучах жаркого летнего солнца. Стояла июльская духота. И только иногда над его почти лысой всхолмленной поверхностью пролетал слабый ветерок, дарующий утомлённой земле кратковременное ощущение прохлады.

Ни одинокие деревья, словно случайно занесённые сюда и растерянно озирающиеся на голые холмы, ни песчано-каменистые пляжи, омываемые напористой океанской волной, – ничто не напоминало и не подсказывало, что буквально в нескольких сотнях миль отсюда гремят взрывы, свистят пули и гибнут люди. Сотни тысяч людей. И даже серая громадина крейсера, бросившего якорь недалеко от берега, не вносила чувства тревоги в мирную и беспечную идиллию пейзажа тихоокеанского острова...

26 июля 1945 года крейсер американских ВМФ «Indianapolis» доставил на остров очень важный и секретный груз.

Секретность и необычность груза подчёркивало то, что вместе с ним на остров прибыло несколько гражданских лиц.

Их белоснежные рубашки с короткими рукавами входили в резкий диссонанс с военной формой цвета хаки. Они скорее были похожи на туристов, случайно забредших в небольшой прибрежный рабочий посёлок, где все заняты своими делами. Неуклюжие, незнакомые с местными нравами и традициями, они постоянно кому-то попадали под ноги, мешали и, виновато улыбаясь, скороговоркой извинялись. В ответ слышалось нечто вроде: «принесло тут вас на нашу голову!»

На корабле и на берегу шла привычная неторопливая работа. Возле груза суетились люди. Прицепляли. Отцепляли. Проверяли комплектность и пломбировку. Поднимали и укладывали. Отдавали указания. Обливались потом. Посмеивались, поругивались.

– Приветствую вас в моём скромном хозяйстве.

К гражданским подошел человек в лётной форме лет сорока. Люди в белых рубашках обернулись. Самый пожилой из них, сухопарый мужчина, поднёс платок к редеющей шевелюре и вытер капли пота, выступившие на высоком лбу.

– Позвольте представиться: полковник Пол Тиббетс, – продолжил подошедший бравый лётчик, с иронией оглядывая сомлевших на пекле «туристов», – командир авиагруппы. Всё нормально?

– Спасибо, полковник. Приняли по высшему разряду, – ответил за всех сухопарый. – С «малышом» будьте поосторожнее, он у нас капризный, – добавил он, указывая на короб из фанеры и досок, возле которого возились техники и ра-

бочие полевого аэродрома.

– Наслышаны. Не беспокойтесь, люди предупреждены, да и люлька соответствующая тоже готова. – Тиббетс небрежно махнул кепкой в сторону зелёного ангара.

Перед ангаром, словно на параде, застыли серебристые В-29.

– Красавцы! Какой из них? Вы уже выбрали жеребца, полковник?

– Мой. Самый первый, – произнёс полковник не без гордости. – Сам отбирал на заводе Глена. Красавец, не правда ли? Я уже успел его объездить.

– Это вон тот, восемьдесят второй?

– Да.

– Ну, о вас мы наслышаны. Лучший лётчик бомбардировочной авиации...

Прошло ещё несколько дней.

Крейсер, доставивший «малыша» на Тиниан, благополучно поднял якорь и исчез в сизом плывущем мареве. Вскоре на острове получили сообщение, что он затонул, получив пробоину ниже ватерлинии после успешной атаки японской подлодки.

Кругом шла война.

А сам остров продолжал жить прежней размеренной жизнью обыкновенного острова, затерянного на просторах бескрайнего океана. Встречал дымчатые рассветы, провожал томные закаты, купаясь в серо-бирюзовых волнах. Будто он

единственный бросил протест ужасной реальности, сотворённой человеком, и ушёл в пустынь беспечных волн и белых бурунов, погружаясь в звуки приборя...

Продолжала жить своей жизнью и базирующаяся на острове 509-я специальная авиагруппа. Со взлётногo поля, которым служила ровная поляна, будто идеально приспособленная для взлёта тяжёлых машин, каждый день взлетали самолёты и, утробно урча моторами, исчезали вдали. Исчезали, чтобы по истечении нескольких часов снова появиться, облегчённо плюхнуться на светлый песчаник, важно, будто хвастаясь своими подвигами, прокатиться перед строем сослуживцев и занять своё место в строю, подставляя серебристые выпуклые бока жаркому солнцу.

Второе августа.

В штабе было душно и наэлектризованно не уютно. Что-то трещало и противно пищало. Продираясь сквозь постоянное механическое потрескивание, шипение и густые клубы сигаретного дыма, туда-сюда сновали люди, больше походившие на тени. Они, постоянно сталкивались, что-то говорили друг другу, докладывали и снова расходились, раздвигая сизые клубы дыма и невидимые электроизлучения, из которых, казалось, и состоял липкий воздух штаба.

– Ребята, кто видел полковника!?

– Он с экипажем. У них инструктаж в ангаре. А что?

– А, «малыша» глядят. – Весело осклабилась молодой радист с нашивками сержанта, – радиограмма. Пойду, вручу. –

И он направился в сторону ангара.

Быстро пробежав глазами по тексту радиограммы, полковник Тиббетс махнул головой, будто соглашаясь с её текстом.

Только что он получил приказ №13.

– Спасибо, сержант. Идите.

Сержант быстро махнул рукой перед собой, не то отдавая честь, не то жестом говоря: да чего уж там, не стоит благодарности, и выскочил наружу, в солнечное пекло.

– Получен приказ на бомбардировку. – Тиббетс обернулся к присутствующим в ангаре – его собственному экипажу и гражданским экспертам, сопровождавшим атомную бомбу. – Указаны три цели. Первая в списке – Хиросима. Ну что ж, осталось дожидаться благоприятных метеоусловий и поджарить этих япошек. Пойду, найду Изерли. Пускай поднимает своих птичек, «малыш» просится наружу. – Полковник засмеялся удачной шутке и погладил выпуклый бок огромной бомбы.

Уже на выходе он обернулся. Нашёл взглядом круглолицего майора и обратился к нему:

– Фереби!

– Сэр! – лицо попыталось вытянуться, изображая преданную внимательность.

– Организуй погрузку «малыша».

– Да, сэр!

Переговорив с майором Изерли, Тиббетс вышел из штаба,

закурил сигарету и присел на лавочку в тени одинокого дерева, наблюдая со стороны, как из ангара выкатывают массивное поблескивающее на солнце тело бомбы.

«Малыш» и впрямь был внушительный. Люди, похожие на муравьёв, облепили его со всех сторон и руками-усиками с трудом катили его в сторону линейки самолётов. Слышались отрывистые команды, сдобренные крепким словом...

К Тиббетсу подошёл майор Изерли и тоже закурил из смятой пачки.

– Загружают. Что родится из этого малыша? Послушаешь этих учёных, так просто жуть пробирает – прямо монстр какой-то.

Тиббетс покосился на майора и, задумчиво сузив глаза, затянулся сигаретой. Он недолюбливал майора: сам себе на уме. Полковник был прирожденный командир. Ему нравились те, кто браво вскидывал руку ко лбу и, не задумываясь, гаркал: «Есть, сэр». Таких «правильных» в его авиагруппе («избранных», любил повторять полковник) было большинство. И он как командир гордился этим. Тиббетс с удовольствием затянулся и продолжил следить за оживлённой вознёй у его самолёта номер восемьдесят два...

В его тени, отбрасываемой длинными крыльями, собрался почти весь лётный и технический состав полка, кроме тех, кому выпало сейчас дежурить в полумраке штабного помещения или лететь на боевое задание, скрываясь за редкой облачностью. Настроение у всех было приподнятое, и каж-

дая шутка заканчивалась грохотом смеха.

– Дайте мне кисточку, – Роберт Льюис выхватил кисточку у молодого техника. – Теперь моя очередь, я, как никак, второй пилот!

– Роберт, ты же писать не можешь. У тебя в одном слове будет три ошибки. Ребята, помните?

Раздался дружный смех.

– Ничего, – не сдавался красавчик-пилот, любимец женщин. Он обмакнул кисточку в краску и подошёл к гладкому телу бомбы, выкрашенному в болотный цвет. – Япошки тоже грамоте не обучены. Они «эй» от «ай» не отличат. Тупицы, малюют свои кривули!

Шутка всем понравилась, воздух взорвался от новой порции гогота.

– Давай, Роберт! Передай им привет от своей мамочки.

– Ха-ха-ха!

– Они его мамочки как огня боятся!

– Ха-ха-ха!

– А ведь там осталась надпись, сделанная командой «Indianapolis», – тихо произнёс Клод Изерли и как-то странно пожал плечами, как будто стал замерзать под августовским солнцем.

Тиббетс отвлекся от возбуждённых лиц собравшихся вокруг бомбы и косо посмотрел на майора.

Всегда он так, – неприязненно подумал полковник. – Всем весело, а он стоит отрешённо, будто чужой, и смотрит на все

«басетовыми» (полковник терпеть не мог эту породу собак – «тупые и никчёмные») глазами. Философ, чёрт его подери! «Там – надпись команды „Indianapolis“», – мысленно передрознил он майора. – Философ.

Полковник сплюнул на землю и выбросил окуроч. Взглянул на Изерли и твёрдо произнёс:

– Ничего, майор, мы отомстим. Вы только погоду нам дайте. – Тиббетс ухмыльнулся. – У вас это прекрасно получается.

Полковник был справедлив и уважал высокий профессионализм командира метеоразведки, отбрасывая плаксивые сантименты во имя выполнения поставленных боевых задач.

Изерли посмотрел на командира и покачал головой: погоду, говорите? – сейчас сотворим! Его тонкие губы попытались растянуться в подобие ответной улыбки. А на душе скребли кошки. Да скребли так противно, что хотелось крикнуть им «брысь», но это были свои кошки. Интересно, какая страшная сила свела нас вместе и забросила сюда? На эти парящие пески. – Майор, поглядел вверх самолётов на хилую пальмовую рощицу, шелестящую в углу поля. – Таких разных.

Потянулись дни ожидания.

Метеоразведчики майора Изерли каждый день поднимались в воздух. Экипаж В-29 за номером восемьдесят два изнывал от ожидания.

И вот наступил момент, которого ждали все. И экипажи,

и техники, и гражданские, сопровождавшие бомбу.

Наступило шестое августа.

На выпуклом фюзеляже самолёта, поблёскивающим в рассеянных солнечных лучах, возле пилотской кабины красовалась чёткая надпись «Anola Gay». Пол Тиббетс подошел к своему любимцу и ласково похлопал его по гладкому металлу, будто любимого скакуна.

Заслушав доклад старшего техника, командир коротко поблагодарил его и повернулся к экипажу грозной машины. Последние напутствия. Рукопожатия. И вот те, кому сейчас предстояло взмыть в воздух и скрыться в лазурной дымке, стали подниматься по лесенке наверх, исчезая в чёрном чреве бомбардировщика. Лесенку откатали в сторону, тяжёлый люк, чавкнув механизмами, скрыл последнего члена экипажа.

Всё как всегда, и в то же время чувствовалась неповторимость момента. Он был один из множества других, но именно в нём словно сконцентрировались стремления тысяч и тысяч судеб. Они сошлись в одном мгновении, вспыхнув с необыкновенной силой и мощью, способной расплавить любой металл, любую броню. Этаким кумулятивным сгусток воли и жажды мщения, воплощённый сейчас в отполированном самолёте, или вернее в том, что скрывал полумрак его бомбоотсека.

Десятки учёных и лаборантов, тысячи рабочих и фермеров, политики и священники просыпались утром и ложились

вечером, посвящая себя одному. Чтобы именно в этот миг четыре мощных двигателя вздрогнули и бешено закрутили четыре винта, превращая их в мутные круги. А те в свою очередь оттолкнулись от застывшего воздуха и увлекли за собой махину – гордость и бессонные ночи многочисленных участников этого события.

Необычность момента особо подчеркнули последние слова приказа, прозвучавшие хриплым голосом командира: «Пилоты, вам выпала особая честь: совершить акт возмездия – сбросить на головы наших врагов особую сверхмощную бомбу. Я уверен, что после этого они будут вынуждены поднять руки вверх и сдаться. Ребята, страна гордится вами! С вами вся Америка! С нами Бог!»

Воздух огласил могучий рёв, В-29 вздрогнул и начал свой долгий красивый разбег. Крылья качнулись, освобождаясь от пут земли, и взмыли навстречу проплывающим над ними облакам. Минута, другая и, оставив после себя дымный след, громадная машина исчезла вдали. А назойливый гул ещё долго не хотел покидать растревоженное небо и напуганные лужайки с мирными пальмами на опушках.

Люди стали расходиться. Офицеры в сопровождении штатских вернулись в штаб. Техники и обслуживающий персонал потянулись в сторону импровизированного бара, уютно расположившегося в пальмовой роще, и на футбольное поле у края взлётной полосы.

Люди устали от войны и им хотелось побыстрее покончить

с ней. И не важно, как это случится: провидением, доброй волей или силой неведомого страшного оружия. Лишь бы она перестала собирать кровавую дань на земле, позволила вернуться домой целыми и невредимыми...

Каждый был предоставлен самому себе и своим мыслям, однако тот, кто свёл их вместе, ни на мгновение не оставял без своего пристального внимания, заставляя беспокойно поднимать голову и прислушиваться к безмолвию медленно тянущихся минут и часов. Они продолжали служить ему, даже не подозревая об этом. Они продолжали выполнять приказ, однажды прозвучавший.

Солнце незаметно перевалило самую высокую точку на небосклоне и начало потихоньку скатываться вниз, удлиняя тени.

И где-то там, на северо-западе, высоко в небе прячась за облака, летел большой серебристый самолёт. Экипаж, выполняя поставленную боевую задачу, деловито и собранно прокладывал курс на Хиросиму.

...Над Хиросимой вставало солнце нового дня. Прохладные утренние лучи постепенно заливали город теплом и светом.

Ёноскэ Юкио любил ранние утренние часы. Город только просыпался, и не было привычной дневной сутолоки.

Небо на востоке просветлело, окрашиваясь в нежные розовые тона. Маленькие звёздочки, подобно молоденьким

девушкам, скрывающим свою красоту от чужих нескромных взглядов, юркнули за лёгкую светло-фиолетовую ширму и только самые яркие и бесстыжие продолжали мерцать, украшая собой прозрачное полотно небосвода.

Где-то скрипнула лёгкая ширма – сёдзи. Дома оживали и наполнялись звуками непрехотливого японского быта. А улицы по-прежнему пустовали. Одинокое прохожие брели по своим делам, прижимаясь к белым стенам невысоких домов.

Так бы шёл себе и шёл, – подумал Ёноскэ, – подобно легендарному ронину. Никому и ничем не обязанный, свободный поэт тенистых дорог... Да, вчера в гостях у Харуо мы хорошо посидели, – потирая лоб, неожиданно прервал поэтический ход мысли Ёноскэ, – голова тяжёлая. Ну и ладно, не так уж часто мы стали встречаться за дружеским столом, – оправдывался он сам перед собой. – Времена нынче тяжёлые – война. Будь она трижды проклята! И вместе с нею все америкашки с их авианосцами и бомбардировщиками. – Ёноскэ тихо вздохнул. – И всё-таки стол был великолепный! Надо отдать должное О-Ити.

Ёноске с удовольствием вспомнил вечер. Они собрались у Харуо по случаю его дня рождения – старые друзья. Сколько Ёноскэ помнит, они всегда были вместе. Начиная с детских уличных игр и беззаботных подростковых увлечений, когда они расставались поздно вечером, чтобы утром снова встретиться, до сегодняшних тяжёлых дней, когда встречи

стали очень редкими и по случаю.

За столом было шумно. Желание забыться хоть на минуту, отстраниться, само тянуло руку к чашечке с сакэ. Раздавались громкие здравицы. За именинника и его прекрасную жену О-Ити. За её чудесное умение «среди разрухи и войны» накрыть такой богатый стол... М-м-м, суси, политое сёю, были такими вкусными! – Ёноске даже зажмурился от удовольствия, вспоминая удавшийся вечер. – И где она по теперешним временам взяла такую нежную рыбу на суи-моно. Нет, я всегда говорил, что Харуо повезло с женой.

Потом сакэ обжигало горло за императора и славную армию. Бремя войны легло на каждого. И вчера вспоминали тех, кто был призван и сейчас защищал их Родину. Тех, кто уже никогда не сядет за дружеский стол. Когда тёплый хмель разнуздал не только одежду, но и языки, вспомнили древних богов своей маленькой доброй родины.

«Ребята, давайте поднимем наше сакэ! – Ёси, слегка покачиваясь, бережно поднял маленькую фарфоровую чашечку. И выдержав многозначительную, почти театральную паузу, в течение которой он осолопевшими глазами оглядел каждого сидящего за столом. Словно командир перед строем. И продолжил: – Давайте поднимем это славное сакэ во славу нашего славного и древнего бога, покровителя воинов Хатимана! Пусть вместе с этим глотком вольётся в нас его древний и грозный воинственный дух. Пусть вложит он в наши руки страшное оружие, безжалостно карающее наших вра-

гов. – Ёси тряхнул головой, – пусть будут они прокляты, проклятые „рыжие“!»

Дух древнего бога, дремавший где-то под остроконечной крышей, слышал зов и сорвался вниз навстречу со своими единокровниками.

Ёноскэ вспомнил пылающие глаза друзей. Улыбаясь, он покачал головой, так же, как это делают старики, беззлобно шепелявя себе под нос: «Дети, ну настоящие дети». После чего посмотрел на узкую полосу неба, еле-еле проглядывающую среди свешивающихся деревянных карнизов, уже окрашенную в золотистые утренние цвета.

Несмотря на понедельник, он не спеша брёл по одной из боковых узких улочек Хиросимы. Спешить было некуда – в его конторе знали ещё с пятницы: Ёноскэ Юкио сегодня пригласили на сборный пункт, а туда зря не приглашают. И только старая привычка вытолкнула его с утра пораньше из теплой постели и направила хорошо знакомым маршрутом. «Зайду на работу. Переброшусь парой слов и пойду на сборный пункт. Туда я всегда успею».

Двухэтажные дома прижимались так тесно друг к другу, почти вплотную, что улочка походила скорее на тропинку, затерянную среди городских ущелий. Иногда попадались неприятельные и простенькие вывески. Вроде той, на которой черными иероглифами на белом фоне было написано: «Хозяйственная лавка Ёси Акебоно». Где-то в доме заплакал младенец. Ёноске снова удовлетворённо покачал головой, –

жизнь продолжается и течёт своим чередом. Он прекрасно знал, что примерно через одно тѐ он вынырнет на просторную и широкую улицу, заполненную людьми с их вечными разговорами о насущном, с шумным позвякивающим трамваем и повернѐт направо в сторону Центра Содействия Промышленности с куполом на крыше. Ёноскэ не раз бывал там по делам.

Со стороны порта донѐся пронзительный звук сирены. Воздушная тревога! – Ёноскэ весь внутренне сжался. От хорошего настроения не осталось и следа. Звук напомнил: идёт война, и даже здесь, в тылу, она каждый миг может напомнить о себе, покалечить и убить.

Испугано захлопали оконные рамы. Ёноскэ ускорил шаг – возле Центра Содействия Промышленности находилось бомбоубежище.

Быстрее, быстрее! Ох, как тяжело, сказывается вчерашнее застолье! Он вынырнул на свет широкой улицы и сразу попал в поток спешащих горожан. Огибая деревянный столб, Ёноскэ повернул направо и стал частью шаркающего и шелестящего потока. Уже близко, над крышами возвышался заветный стеклянный купол, когда прозвучал сигнал отбоя. Ёноскэ облегчѐнно вздохнул и отошѐл в сторону перевести дыхание и вытереть напоминание вчерашнего дня рождения, выступившее каплями пота на лбу. Вместе с ним вздохнул бурлящий поток и, замедляя свой бег, вернулся к берегам покоя...

Сзади забавно потренькал трамвай, тяжело накатываясь на рельсы. Ёноскэ вышел к мосту и, глубоко вдохнув, зажмурил от удовольствия глаза. Красота! И куда мы все спешим, не замечая ничего вокруг?!

Река Ота, поделившись здесь своей водой с одним из семи рукавов, разрежала город на островки, окаймлённые по берегам зелёными насаждениями. Он стоял на одном из них и любовался панорамой, открывающейся с набережной у моста.

Война будто отступила на задний план. За спиной возвышалось тёмно-серое каменное нагромождение дома Гэмбаку, на его ступенях сидел раненый солдат в полевой форме.

Ёноскэ подошёл к парапету. Прозрачное течение, позолоченное песчаными пляжами и украшенное изумрудами и малахитом, спокойно и величаво устремлялось к морю, не замечая городской суеты и шумихи. Вот бы и мне так, – подумал он, провожая взглядом похожие на призрачных лебедей приводнившиеся белые облака.

По ушам резануло, раздирая идиллическую картину пополам. Снова прозвучал сигнал воздушной тревоги.

Ах, чтоб вас...! Дайте хоть на секунду забыть всё! – Ёноскэ с трудом оторвал взгляд от воды и поднял голову к небу в поисках причины гудящей сирены.

Высоко за облаками медленно летел самолёт. В-29, – безошибочно определил Ёноскэ (война хороший учитель, но уроки её, к сожалению, недолговечны), страх, успевший

вкрасться внутрь и завладеть всем его существом, быстро улетучился, – всего один бомбардировщик!? Наверное, разведчик или листовки будет разбрасывать. Уф, отлегло, – он прижал руку к сердцу, напряжённо выталкивающему из себя кровь. – Что-то сбросил, ух, гад! Почему наши зенитчики молчат?! Высоко?

Ёноскэ не отрываясь, как замороженный, следил за маленькой серебристой точкой, отделившейся от самолёта.

В какое-то мгновение он ощутил в себе неразрывную связь между собой, своей судьбою и этой вспыхивающей холодным металлическим отблеском крохотной точкой, быстро приближающейся к земле.

Вот над точкой вырос белый купол. Она замедлила своё роковое падение. Ёноскэ почему-то разочарованно вздохнул. Вздох читателя, неожиданно для себя открывшего последнюю страницу увлекательной книги. В последнее время он жил сюжетом этой книги. Сопереживал героям и событиям. И вот, нате вам – автор решил поставить последнюю точку. Да как он смел! Ведь пока он, Ёноскэ Юсио, читал – он жил.

Нежелание закрывать последнюю страницу и предчувствие, что это неизбежно и когда-нибудь случится, были в том невольном вздохе.

Серебристая точка молчаливо долетела до своего места и... взорвалась, протыкая небо острыми языками огня и растекаясь жирной белой кляксой дыма. Взорвалась с ужасным

грохотом, в котором слышалось злорадное: «Всё, конец!»

Последнее, что увидели влажные глаза Ёноскэ, перед тем как расплавиться в адском пламени, было – кровавое око, неожиданно выглянувшее сквозь густые клубы дыма. Оно зорко взглянуло на притихший внизу город и на замерших в страхе людей. В его алых глубинах вспыхнул и замерцал недобрый огонёк. Ёноскэ в ужасе отпрянул от соприкосновения с горячим, хищным дыханием близкой смерти.

Испепеляюще-яркая Вспышка жадно и ненасытно поглощала улицы и людей, застывших на мостовых, дома и маленькие деревца сакуры, растущие вдоль набережной реки, долины и небесную лазурь. Оставляя после себя обожжённое, потемневшее небо, изуродованные людские останки, развалины и – Тьму...

В остекленевших глазах Ёноскэ, перед тем как их расплавил и испепелил взрыв, застыл мёртвый негатив с ярко-белым пятном на месте поглощённого Вспышкой солнца.

Светильник, освещающий зал, погас. Партер, бельэтаж и ложа погрузились в непроницаемую темноту. Где-то высоко над головами загорелся новый источник.

В отличие от потухшего светильника в «зале», дарующего свет и тепло каждому, невзирая на лица и места, этот новый источник, похожий на прожектор, рассеивал свои пронзительно-холодные лучи избирательно и целенаправленно. Приглядевшись, можно было увидеть бесчисленные

лучи-щупальца, связанные в единый пучок. Они, хищно извиваясь, каждый достигал своей цели, обволакивал и заполнял внутрь, наполняя тела новой сутью. Жизнью и содержанием.

Инстинктивно зажмурившись в момент взрыва, Он удивлённо разлепил плотно сжатые веки: Он жив?! И сквозь прищур настороженно осмотрелся вокруг. Страх улетучился. Он широко открыл глаза. Удивление нарастало по мере того, как к нему возвращалось обыкновенное зрение, способное различать предметы, образы, тени и полутени.

Он стоял на самом краю грандиозной ярко освещённой сцены, замещающей собой прежний ландшафт. Зрительный зал был погружён в непроницаемую тьму. Но зал не был пуст. Он ощущал чьё-то многочисленное присутствие, и что-то подсказывало ему: зал заполнен до отказа. «В „театре“ аншлаг?!»

Непроницаемую темноту нарушал слабый отблеск сцены, застывший в тысячах пар внимательных глаз, неотрывно следящих за игрой артистов («в тысячах», – это подсказывал взволнованный внутренний голос нашего героя – он не мог себе представить, что существуют в мире зрительные залы на миллионы, и, тем более, миллиарды зрителей).

Нарушал гармонию непроницаемой темноты непрерывный шорох входных дверей. Они открывались, пропуская на миг необыкновенно чистые лучи света, на фоне которых мелькали неясные тени входящих. Петли неустанно шурша-

ли в своих гнёздах, почти никогда не останавливаясь хотя бы на минуту – перевести дыхание.

Кто они? – подумал Он, взглядываясь в темноту. Входили в основном улыбающиеся молодые люди. Они с интересом оглядывались, попадая внутрь. Смеялись. Словом, вели себя так, как ведут обыкновенные беспечные зрители, пришедшие повеселиться, пофлиртовать, себя показать, на других поглазеть, в общем, попросту убить время. Иногда, держась за взрослую руку, заходили маленькие дети. Их вселенские глаза были по-детски широко открыты. Непонимающе, порой с испугом, они взирали на этот незнакомый непонятный мир взрослых развлечений и, вздохнув, безропотно впускали его в своё маленькое сердце.

Почти никто не выходит? Странно! – Ему захотелось крикнуть в зал: «Что вы тут забыли? Вставайте и идите! Здесь тесно и душно! А там, там воздух и солнце. Ну что же вы?..» – Двери с надписью «выход» оставались практически без движения. Как они размещаются?

Язык словно прилип к гортани. Его охватил сильнейший страх. Он попятился назад. Могучий источник света, бьющий откуда-то из-под потолка, ослепил и поглотил его. Он пытался жмуриться и закрываться руками. Нещадные лучи-щупальца ощупывали его своим холодным прикосновением. Заползали внутрь, наполняя оболочку новым содержанием. Он чувствовал себя похожим на пустую бутылку, брошенную в море. Волны качают её, захлестывают. Солёная

вода затекает в открытую горловину. Бутылка захлёбывается и тяжелеет, и уже сама услужливо черпает вездесущую едкую воду. В следующую минуту, заполненная до краёв, она безвозвратно погружается на дно, становясь частью морской стихии...

Он стоял на сцене, щедро заливаемой пронзительными лучами. Зал, который он только что покинул, провалился, превратившись в непроницаемо чёрное ущелье. На пустынной сцене застыли хаос, разруха и безмолвие. В голове тоже.

Потерянный и раздавленный люминесцентными лучами, Он метался среди страшных развалин. Спотыкался и снова вставал, поднимая клубы мелкой серой пыли. Пыль была тёплая и мягкая. «Словно живая, – мелькнуло в голове. – Может, она и есть живая? Или... была живая!» Упав в очередной раз, Он быстро, чувствуя позывы тошноты, отдёргнул руки от мягкого пола и начал машинально стирать прилипший к ладони прах.

«Прах!? Почему прах? Нет, нет, это невозможно! – Он оглядел „сцену“ до самого горизонта, теряющегося вдаль. – Я умер или живу? – Взгляд скользнул по чёрному провалу „зала“ и зажмурился в лучах „пржектора“. – Я мёртв?! Что же я вижу? – В лучах света повсюду кружились мельчайшие частички серой пыли. То вверх, то вниз, то, закручиваясь в весёлые водовороты. – Я жив!?!»

– Ты чего мечешься!? Откуда ты взялся?

– Я?! – Он замер, соображая – Он слышит или мерещится.

– Ну, не я же. Я-то хорошо знаю, кто я и зачем здесь. Хотя... как видишь – не совсем хорошо. Вот очередной сюрприз.

– Я – сюрприз?! Почему?

– Чудак ты! Да тебя нет в сценарии.

– В сценарии!?. Ты кто? И где? – Придя в себя, Он начал оглядываться по сторонам в поисках говорившего.

– Я – Цивилиус – Управляющий сценой. Вот он я, в суфлёрской будке. Да что ж ты вертишься, словно тебя ошпарили!.. Ах, ну да, извини, я совсем забыл. Этот взрыв. Бу-бух! Впечатляюще, не правда ли? Да вот же я! Поверни голову направо.

Он повиновался. Справа, на самом краю «сцены», разместилась малоприметная будочка, едва поднимающаяся над полом «сцены», видимо, с одной целью: не мешать зрителю следить за представлением.

– Наконец-то заметил. А то я стал уже обижаться: как никак – Управляющий.

Осторожно ступая, Он подошел к будочке и наклонился, заглядывая внутрь.

Там было пусто. Над старым выщербленным столом горела тусклая лампочка. На самом столе стояла потушенная сторбленная восковая свечка и лежала небрежно брошенная кем-то толстая кипа белоснежной бумаги. На первом листе красовался заголовок, набранный ровным типографским шрифтом: «Цивилизация Людей. Созидатель и потре-

битель».

Он посмотрел по сторонам, в поисках хозяина будочки. Пусто. Никого. На стуле и на полу валялись смятые ветхие, полуистлевшие листы. На некоторых тоже можно было различить странные, ничего не говорящие заголовки: «Цивилизация Атлантов», «Тёмная Эпоха», «Забытые Времена», «Безвременье» и так далее. Под последним заголовком Он заметил быструю пометку, сделанную размашистым почерком: «азнались». И больше ничего.

– Вы где? Я вас не вижу.

– А ты хочешь увидеть необъятное? Чудак.

– Как необъятное, – не понял Он. – А голос?

– Голос – это то, что ты слышишь. Или желаешь слышать. Ты что, не понял – я Цивилиус. Я всё!.. И ничего. Я многолик. Как можно видеть сразу множество лиц в одном? А? Ответь, как?

Он опешил и пожал плечами:

– Я... не знаю. И всё-таки мы как-то разговариваем.

– Не знаю, – вроде разочарованно и задумчиво произнёс голос. – Потом помолчал секунду и добавил, – вот и я не знаю. Многого не знаю. Сижу тут, подсказываю глупые роли. Зачем? Кому? Вроде, всё ясно. Вот сценарий. Там аплодисменты и неуёмная жажда: ещё, ещё, ещё. И вот на́ тебе, появляется некто на сцене. И всё – бардак. Всё летит вверх тормашками. Кто ты? Ах, ну да – продукт познания. Дитя опыта. Говорю же ему: дух первичен. А он мне: давай по-

пробуем. Познаем. Всё ему веселье, забава – давай да давай. А что ему. Нет, тоже чувствую: состарюсь и уйду. На покой. Смету весь этот хлам. Отчитаюсь перед Архивариусом. Сдам время и... – голос замолчал.

Наш «дитя опыта», как назвал его странный голос из ниоткуда, слушал хрипловатый, словно слегка простуженный тенор, силясь сообразить: с Ним ли разговаривает невидимый суфлёр или, может, он стал невольным свидетелем размышлений вслух. Всё сказанное никак не относилось к Нему и больше походило на ворчание старика, уставшего от жизни.

Он подождал, голос безмолвствовал.

– Ты где? – робко позвал Он. Ему не хотелось оставаться одному, среди кошмарных барханов праха.

– Да здесь я, здесь. Хм, как же быть с тобой?

– А что со Мной?! – испугалось «дитя опыта».

– Да видишь ли... да... в сценарии тебя нет.

– Как нет!? И что теперь?

– Я же тебе уже говорил: я не всеведущий и не пророк. Чего ты хочешь от того, кто является, по сути, рупором. В него шепчут, он оглашает. Дикарю это кажется чудом, и он с благоговением, граничащим с поклонением, взирает на диковинную штуку. Нет, мой друг, не расширяй моих полномочий. Триумвират молчит – и я безмолвствую. Если честно, между нами, я даже не понимаю, как мы с тобой общаемся и кто ты вообще.

– Как!

– Я же говорю тебе: я эхо. Ты слышишь: э-э-х-о-о! А что касается судеб, предначертаний и прочих высших материй – увольте. Я по горло сыт. Каждый день, из года в год, на протяжении веков, тысячелетиями одно и то же. И ничего не меняется, только декорации, – голос вздохнул, будто и впрямь был тысячелетним стариком, которому до чёртиков надоело сидеть каждый день на одной и той же лавочке, да нечего делать – так надо. – Лампочки, бетон, турбины, квази-мега-идеи и открытия. Тьфу ты, и не выговоришь сразу! Открытия они делают! Чего их открывать. Иди, выйди из зала, раскрой шторы, и всё сразу станет понятно...

Голос явно начал раздражаться, и стало почему-то по-человечески жаль его:

– Цивилиус!

– А, что?.. Ах, это ты! Ты знаешь, я не привык, чтобы со мной кто-то разговаривал. Это так приятно, чувствовать себя частью диалога. А тут смотришь на сцену на этих напудренных нахохлившихся «звёзд», важно тычущих пальцем в небо в поисках истин и законов мироздания, и хочется бросить всё и бежать куда подальше, чтобы не видеть и не слышать. Не участвовать в этом светопреставлении. Эти актёришки, даже самые великие и гениальные, и не подозревают, какие жалкие роли они играют. Что они всего лишь шуты в угоду... Ох, что-то я разболтался. А ты знаешь, это приятно: говорить то, что хочешь, а не то, что тебе нашёп-

тывают сценаристы спектакля.

– Цивилиус! – Он снова попытался обратить на себя внимание. – Цивилиус! Ты слышишь меня!

– А ты как думаешь? Ну конечно же, слышу.

– Цивилиус, ты сказал, что меня нет в сценарии. Что это значит?

– Ничего это не значит. Тебя нет в сценарии, вот что это значит.

– И?

– Что «и». Нет, значит нет! Тебя вообще не должно быть. Так, фьють. «Люкс»...

– Стой!... Стой! Так нельзя! Что значит фью?! Что значит «люкс»?! Что значит нет Я – вот. Стою на твоей чёртовой сцене и говорю с тобой, наклонившись в твою чёртову будку. Что значит нет!

Его терпение иссякло. Сколько ж можно слушать какую-то ахинею, когда Твоя судьба зависла непонятно где и как. И Он не знает: ни кто Он, ни как Его зовут. Он ничего не знает. И это пугает.

А и вправду: как Меня зовут, – промелькнуло в возбуждённой голове. – Да и так ли это важно – знать.

– Тихо, тихо, мой друг, а то и впрямь накличешь чертей. Или, как их зовут в этом секторе сцены, демонов. Ты хочешь знать, кого ты играешь, и чем закончится твоя роль?

Цивилиус замолчал. Лёгкий сквозняк зашуршал бумагами. Словно некто в раздумье перебирал их, собираясь с мыс-

лями для ответа. Молчал и Он. Молчал с тревогой и равнодушно одновременно. И как уживались в Нём эти противоположные чувства? Он не задумывался.

Полумрак снова оживил хриловатый тенор:

– Нравишься ты мне. В тебе есть какая-то новизна. Ты не смотришь в зал в ожидании чего-то. Тех же аплодисментов. Ты не ждёшь нетерпеливо и чутко моей подсказки. Да-а. Эта Цивилизация погубит сама себя... Да впрочем, как и все остальные. Слепцы! Надо же, громыхнули какую-то бомбу. Разметали декорации и думают, они всесильны. О да! Великое могущество марионетки. Взорвать собственную хлопушку и аплодировать самому себе от восторга и переполняющей гордости, не замечая, что руки-то оторвало взрывом, а они продолжают жить и хлопать, подвешенные на невидимых верёвочках. Бог ты мой... Ух ты, я стал заговариваться с тобой. – Голос испуганно осёкся и тут же продолжил, – Кружатся, кружатся на сцене. Играют, заигрывают. Порой переигрывают...

– Цивилиус! Ты опять!

– Что опять? – удивился голос.

– Обо мне забыл. Меня нет в сценарии.

– Почему забыл. Помню. Я же и говорю: взорвали, громыхали и машут руками над головой. Вот, мол, мы какие. Как мы можем! А тут ты. Без роду и племени. Взял и появился из ниоткуда. Хотя должен был испариться, исчезнуть. Превратиться в «люкс»... ну как обычно... в общем. Нет,

Создателя не проведё... ох, да что это я сегодня – проговариваюсь. Под этими сводами не принято говорить лишнего. Просто не принято... Хотя можно... – Бумаги на столе зашуршали сами собой, как будто где-то приоткрыли невидимую дверь и в узкую щёлочку проскользнул слабый ветерок и заметался в замкнутом пространстве, закручивая невидимые вихри. – Так вот, ты спрашивал: знаю ли я. Вот видишь – я помню...

– Ну!?

– Не знаю! Нет тебя в сценарии. Нет, и точка.

– Как точка! – По спине пробежал холодный ветерок.

– Понимаешь. Да – я Цивилиус! Да – Управляющий! Но я абсолютно подневольный! Я правлю балом от имени...

– От имени кого?

– Ну, если хочешь, от имён. Там, в зале, восседает Великий и Нетленный Триумвират. Что б его... Да что ж сегодня со мной!? Они величайшие сценаристы и драматурги. И если я многолик, то они царственны. Им подвластны звуки слов и мыслей, поступки, желания и страхи. Они бессмертны и любопытны. Они в каждом и нигде больше. Они творцы ролей. Но в отношении тебя они молчат. Так же, как они молчат по поводу этого праха. Им важна твоя душа, а прах... что прах – кому он нужен. Так, грязь. Удобрение. Хотя, поверь мне, их пронизательность и изворотливость настолько гениальны, что они находят роли и для праха. Может, и тебе пару слов найдут, где-нибудь в эпизодах.

– Цивилус.

– Да.

– Ты хочешь сказать... Ты хочешь сказать... я мёртв!

– Я ничего уже не хочу говорить. Твоих слов нет в сценарии. Может быть ты – Тень. Но необычная Тень. Живая. Посмотри, сколько Теней на сцене. Без них никак и никуда. Там, где есть свет, обязательно присутствует и тень, или полутень. А здесь, где всё залито светом Светозарного, сам Б... да что это со мной, тени настолько насыщены, что вполне могут жить самостоятельной жизнью. Вот видишь, я уже и имя тебе дал. – Голос перешёл на шёпот, – я взял на себя чужие почётные обязанности: давать имена. Хи-хи, – он ехидно засмеялся: знай наших!

Он живо представил себе благообразного седого старичка с длинной седой и почему-то шелковистой бородой, шаловливо потирающего свои руки. Улыбнувшись, Он спросил:

– Цивилиус, так как же мне теперь быть?

– А, Тень. Ты ещё здесь? А я-то думал, как только ты получишь своё новое имя, то тебя и след простынет. Свищи, ищи тебя потом. Даже расстроился: такого собеседника потерял.

– Может, мне пойти в этот твой, как его – Триумвират, и всё им объяснить.

– Куда! Да ты хоть знаешь, что такое ТРИУМВИРАТ?!

Тень (Тень, так Тень – Он безропотно согласился с новым именем, тем более что старое сгорело, испарилось. Ни

памяти, ни надписи. Ничего) снова представил себе старичка, но уже грозно вытянувшего указательный палец к небу и трясущего им, мол, это такое слово, такое, ого-го! Нарисованное воображением получилось не грозным, но комичным. Тень невольно прыснул между губ.

– Извини, Цивилиус!

– Что извини? – не понял старик, не обращая внимания на смешок.

– Да я так, представил.

– Что тут представлять. В Триумвират он собрался. Триумвирата нет!

– Как нет!?! Ты же только что!.. А... Да... как же?.. Ты же сам... – Тень замер с открытым ртом, будто загнипнотизированный длинным старческим пальцем.

– Ну, мой друг, ты так возмущаешься, будто ни разу не соприкасался ни с чем таким, что было бы, на первый взгляд, комичным, глупым и невозможным... однако же имеющим место в жизни.

– Не...

– Не торопись с выводами. Абсурд так же реален, как и вся эта фантазмагория вокруг тебя. Эти грандиозные декорации – поражают воображение только тех, для кого они были сооружены. Этот картонно-искусственный антураж, украшенный стразами и изумрудами, в который облакаются, чтобы казаться. Эти затёртые до ветхости роли: «плохих» и «хороших», «избранных» и «обязанных», «великих» и «стати-

стов». Уж поверь мне – я тут давно сижу – в этом театре вымысел куда важнее мысли. А в сыгранную роль верят больше, чем живому актёру, потому что и сам лицедей вдруг однажды понимает, что не может покинуть сцену, не вырвав у себя сердце... Кстати, короны здесь нахлобучивают зрители, и никто другой. Венценосцу только и остается, что с виноватой улыбкой стараться не уронить драгоценную безделушку. Для этого он выпрямляет спину, слегка приподнимает голову, а походка его делается уверенно-осторожной: царственной. – Цивилиус, неожиданно, понизив голос до приглушённо-доверительного, скороговоркой закончил свой монолог.

Может он сумасшедший? – промелькнула в голове Тенишальная мысль, сразу вызывая панику и состояние беспомощности: а что дальше? Тень невольно огляделся по сторонам, будто в поисках союзника или хотя бы того, кто протягивал бы руку: хватайся – я вытащу. Точно сумасшедший – сжигать декорации, чтобы вновь соорудать новые. Ещё более грандиозные. Изумруды, тут? – и Тень снова пожал плечами в недоумении.

Но вокруг по-прежнему было пустынно и безжизненно. Тьма понемногу разгущалась и превратилась в бурый полумрак.

Где-то догорали руины. Знобящий ветер гнал над серыми барханами лёгкие позёмки легчайшей пыли. Картонное небо постепенно очищалось. Клубы дыма, оставшиеся после взрыва, рассеивались и вместе с редкими облаками

уносились прочь. Будто и не было ослепляюще-обжигающей вспышки, расплавившей прозрачную утреннюю лазурь, смертельно-ядовитого гриба, появившегося неведь откуда и выросшего до исполинских размеров, заслоняя всё вокруг и раздавливая своей пятой всё живое. Грохот, разрывающий барабанные перепонки, и сжигающее дыхание пекло – растворились бесследно в пространстве и времени.

Причины, всегда недоступные для осознания и понимания вследствие их бесконечности, растворились в бесчисленных законах природы и вернулись к своим первоосновам, где материя всего лишь кубики в руках ребёнка. Причины растворились, оставив на поверхности искорёженные, изуродованные последствия. Последствия, в которые не хотелось верить. Не хотелось, ибо зал был пуст.

Пуст! Тень с трудом оторвал взгляд от ближайшей бархатистой кучки пепла и повернулся в сторону тёмного непроницаемого провала. Оттуда повеяло смертельным холодом и пустотой. Зал был пуст. Он чувствовал это каким-то шестым, обострившимся тут, на необычной сцене, чувством.

Совсем недавно мне казалось, что я вижу отблеск в глазах сидящих по ту сторону мрака... – Тень выпрямился, неотрывно глядя в темноту. Его голова как-то неестественно дёргалась вслед за глазами, словно он искал кого-то среди множества лиц, и не находя, продолжал метаться взглядом по пустоте.

Нет, нет, вспомни, – продолжали галопировать мысли

в голове, пытаюсь реанимировать память, – уже тогда, в момент твоего появления здесь, на «сцене», партер и ложа были наполовину пусты. А оставшиеся «звёздочки» продолжали тускнеть и гаснуть, навсегда пропадая во тьме. Потом ты отвлёкся беседой с Цивилиусом... Но кто-то ведь должен остаться!? Кто-то ведь должен! Да, да вот там! Я вижу («или, может, только предчувствую – как я могу видеть в абсолютной тьме») вон там где-то на галёрке слабый отблеск от ярко освещённой сцены. Но сколько в нём муки, боли!.. И желания покинуть поскорее зал.

Тень отвернулся, его лихорадило. Противная дрожь сотрясала всё тело, и он ничего не мог с собой поделать.

– Цивилиус!!!

– Что?! – раздался рядом удивлённый хриловатый голос.

– Цивилиус... – Тень не смог произнести больше ни слова – ему не хватало воздуха, в горле застрял противный комок.

Голос вежливо молчал, ожидая, когда собеседник продолжит свою речь.

– Цивилиус... где я? Я сплю?.. Или я умер?!

– Ты? Знаешь, на твой вопрос легче не ответить, чем мучительно подбирать слова. Ты-то сам можешь ответить: что такое смерть и что значит жить?

– Хм? Да... Думаю, могу. – Тень почему-то сомневался. И что вызывало сомнение, он не мог сейчас ответить. «Может быть, сама жизнь вызывает во мне сомнение?»

– Видишь, ты сомневаешься. Почему рождаются мёртвые дети у живых родителей? И почему живут бездушные люди? Я с незапамятных времён сижу тут, разделяя «зал» и «сцену». И до сих пор не смог ответить сам себе на многие вопросы. Где живые, а где их тени, живущие в лучах этого чёртова прожектора. Где же, в конце концов, жизнь и где игра! – Возникла короткая пауза. – Не смог, – кто-то вздохнул в пустоте. – А ты меня трясешь за грудки, пытаешься вытрясти ответ: «Цивилиус! Цивилиус!» Что Цивилиус, – в голосе послышались грустные нотки, – так, передаточная шестерёнка. Пусть даже самая совершенная, работающая без потерь и трения. Мне сказали, и я повторил.

– А сценарий?

– Тсс, дружище, я же говорил тебе: не спеши с выводами – так и до суждений недалеко. А добавишь всего лишь одну букву и до осуждения. Я простой Управляющий этого «театра» – исполнитель чужой воли, ты – Тень – творение прожектора и тоже исполнитель в угоду замершего «зрителя». Ты слышишь: всего-то маленький «театр». Пусть даже с его драмами и комедиями, с наигранными слезами и истерическим смехом. Но выйдешь за его стены и вдруг понимаешь: вот она – истина жизни. Щебечущая, горящая мириадами звёзд, шелестящая травинкой и многозначно безмолвствующая непостижимой безграничностью космоса... – простуженный тенор вдруг осёкся.

Наступила тишина, и если бы не потрескивание догора-

ющих «декораций», некогда изображавших чьи-то дома, то можно было бы сказать: мёртвая тишина.

Первым не выдержал Тень – он завис в загадках и остался без ответа.

– Ты почему замолчал?

– Почему? Тень, ты, оказывается, опасный собеседник!

– Я!?

– Ну да.

– Чем же я опасен? – недоумённо пожал плечами Тень.

– Приставкой «со».

– Чего?! Скажи, Цивилиус, кто из нас того... ну...

– Ты хочешь сказать, свихнулся, сошёл с ума? Да!?

– ...

– А кто определяет меру сумасшествия? Кому дана такая привилегия? Тебе! Мне! Им, оставшимся в «зале»! Здесь всё искусственно, мой друг. А значит – ложно. Чтобы не солгать, хотя бы самому себе, нужно найти «Выход» и постараться выйти наружу. Отойти на расстояние, а потом оглянуться... Да что это со мной сегодня? Болтаю и болтаю безумолку!

По голосу Тени показалось, что его невидимый собеседник раздосадован и гневается на собственную несдержанность. Он живо представил себе благовидного старичка с шёлковой седой бородой, нервно бегающего из угла в угол своей крохотной суфлёрской будки.

– Почему ты злишься?

– Я? Злюсь? – Цивилиус явно был поставлен в тупик про-

звучавшим вопросом. – Ты уверен, что я могу злиться и вообще проявлять какие-либо эмоции. Хе-хе. Интересно. Я ничто, ибо я многолик, или, если тебе угодно, многогласен. Я отражение звука, рождающегося в душевной глубине каждого. Я эхо сцены. Хотя нет... – голос задумчиво замолчал, – кх-кх, – вежливо, по-стариковски мягко откашлялся и продолжил, – как я могу быть эхом, когда эхо вторично, а я – первичен. Великий Триумвират нашёптывает мне свою волю, а я оживляю «сцену», заставляя этих марионеток двигаться и говорить то, что пишется в сценарии.

– Так всё-таки он есть!

– Кто есть?

– Ну, этот, твой Триумвират.

– Он не мой. И никогда не был моим. И как его может не быть, вот сценарий. Триумвират – великий режиссёр. Уж поверь мне. Никто не может так писать: от возвышенно трагичного, до сатирически ничтожного. Никто! И как в нём уживаются злодейство и любовь?! Непостижимо!

– Так направь меня к нему. Меня нет в сценарии! Что мне делать? Ты не знаешь, так, может быть, Он подскажет.

– Кто Он?

Терпение было на исходе. Мало того, что его недавно испепелили дотла, не оставив ничего, только жалкую тень на обгоревшей мостовой. Так ещё теперь и издеваются: играют словами в прятки.

– Ну хватит! Ты... вы слышите меня, хватит хохмить надо

мною. Ведь я живой человек! Всему есть предел... Я... – Он понял, что изрёк некоторую несуразицу: как он может быть живым после того, что с ним произошло, и замолчал, опуская бессильно руки и не зная, куда их деть.

– Ну, мой славный искатель правды, ты теперь осознал, что правда всегда однобока. Она всегда слепа по причине своей эгоистичности. Ты ищешь правду – ты найдёшь её. Но ничего более правды. – В голосе послышалось разочарование. – Я не хохмил над тобой – мне не дано это. Я пытался помочь тебе. Ты единственный мой собеседник, а не кукла, повторяющая послушно затёртые монологи. Ты знаешь, я устал, – послышался вздох, – всё, хватит с меня, иду к Архивариусу. Пусть теперь другие нашёптывают.

– Прости, Цивилиус. Я глуп. Но как мне быть, я стою на сцене, а меня нет в сценарии. Я вообще ничего не понимаю. Что же мне теперь, ходить туда-сюда и поднимать ногами пепел?

– Не ты один.

– Пойми, Цивилиус, хочешь ты того или нет, но на данный момент я таков, каков есть. Я Тень, слышишь, я Тень и не могу покинуть подмостков, даже если бы сильно желал этого. Я был человеком и жил там, куда меня поселила моя судьба. Не я взрывал ту бомбу, вычеркнувшую меня из сценария.

– Не ты?

– Не я!

– Не будь таким самоуверенным. Кажется, я уже говорил тебе об этом.

– А как же сила веры?

– Самоуверенность и вера, мой правдоискатель, так же отличаются друг от друга, как свет и тьма, как смерть и жизнь. Ты потому до сих пор и не можешь найти ответ, что служишь самоуверенности и не обретаешь свободу веры. И единственное твоё отличие от тех, расположившихся в партере и ложах, – ты бесплотен. Ты можешь играть, не оглядываясь на публику. И можешь жить, не ожидая рукоплесканий – жалкого звука, рождённого ладонями. В отличие от тех, жалких безвольных созданий на сцене жизни, возомнивших себя героями, ты один из немногих, кто живёт, а не играет. Кому не нужна маска и кто сам пишет и озвучивает свою роль.

– Так что же мне делать?

– Не жди от меня ответа. Повторяю, я всего лишь Управляющий сценой. И то, что творится за её пределами – не в моей компетенции. Хочешь познавать – познавай; спрашивай, я отвечу, но ответ будет моей правдой. Правдой Цивилиуса. Великой здесь и ничтожной за пределами театра.

– Ты предлагаешь мне...

– Я – эхо, ты забыл. Я не могу предлагать. Я отголосок любопытных до зрелищ. Я подсказываю сценарий, но не пишу его.

– Однако же меня там нет, и это не мешает тебе свободно общаться со мной, – Тень впервые победоносно улыбнулся –

ему удалось загнать загадочного всемогущего собеседника в логический угол.

– Смеёшься, думаешь: ага, попался! Ну что ж, меня радует то, что ты улыбаешься. Значит, не всё потеряно. И помни: здесь всё – абсурд, кроме того, что всё это – существует.

– Чепуха какая-то!

– А я о чём? Иди.

– Куда? – опешил Тень.

– Ну не будешь же ты стоять тут целую вечность, заглядывая придурковато в пустующую будку. Глупо?

– Хм, глупо.

– Ну вот и иди. Здесь свои законы, мой чудесный собеседник, если ты в лучах сцены – не стой. Действуй. И даже пауза наполнена глубочайшего смысла и энергии. Ну давай! – Цивилиус словно подталкивал, вынуждал.

Тень растерянно посмотрел вокруг. «Зачем он так со мной поступает? Слово я никто». Обиженно поджав губы, он отошёл в сторону и снова осмотрелся блуждающим взглядом.

«Сцена», да он шутит! Тоже мне шутник, – обида не покидала его.

Перед ним расстилалась устрашающая своей нереальностью картина разрушения. Обломки кирпича, обожжённые останки стен. Кое-где выпущенный на волю огонь дожирал останки некогда цветущей жизни.

Тень опустил голову. Как ни странно, он продолжал стоять на каменном мосту, чудом уцелевшем в эпицентре взрыва.

Под мостом бурлила мутная вода.

Раньше я мог утопиться, а теперь?.. А что теперь, – с интересом спросил он сам себя, с нетерпением ожидая ответ, но уже заранее зная его формулировку, – теперь не могу!

Он долго бездумно вглядывался в грязные водовороты, будто ожидая чего-то. Но река по-прежнему оставалась безучастна. Она рождалась за ближайшим поворотом и пропадала, растворяясь в руинах и обгоревших полуживых трупах, выползающих к реке.

Он продолжал стоять, опираясь руками о парапет, пока не заметил, что вода в реке начала светлеть. Щепки и обрывки, поплясав на волнах, унеслись прочь вместе с грязью.

Вот и река очищается, и горы как прежде – в таинственной полупрозрачной голубой дымке, – поднимая голову, подумал Тень. – И небо... картонное?.. декорация?.. Нет, небо настоящее – высокое и бездонное. Сам ты декорация! – Он оглянулся, пытаясь разглядеть малоприметную будочку.

Её не было. Словно никогда и не было!

Тень по-детски удивлённо завертел головой – не может такого быть! Ведь он сам своими глазами видел! Приснилось!? – мелькнуло в голове, – или я точно сошёл с ума! Такое бывает. Нет, не сошёл! – запоздалым эхом пронёсся ответ уже после того, как он немигающим взглядом воззрился на непроницаемую чёрную пустоту, разверзшуюся у его ног. И где-то высоко, высоко... Под потолком, – подсказывала мысль и сама же себя опровергала, отказываясь верить в уви-

денное, – какое, к чёрту, под потолком! Его не может быть в бесконечности!?. Откуда-то оттуда, сверху некий источник посылал свои противные, липкие, пронизывающие лучи сюда вниз, заливая всё вокруг немигающим мёртвым светом.

Тень поёжился. Было такое ощущение, будто лучи протыкали всё его естество тысячами жал светоносных стрел. Пронзали, но вместо ожидаемой смерти несли в себе жизнь. Жизнь тени.

Представшее взору зрелище рождало ощущение собственной ничтожности. Он – всего лишь маленькая, еле различимая на ладони песчинка у подножия величавой грандиозной горы. Где вместо склона – амфитеатр, погружённый в густую беспросветную темноту. Потому казалось, будто стоишь, качаясь на краю бездонной пропасти, на дне которой угадывается (по тусклому мерцанию – отражению ярко освещённой сцены) таинственная, недоступная и чужая жизнь.

Величавая, подавляющая панорама. И если это и был «театр» (по словам Цивилиуса), то театр, возведенный не руками человеческими, а самими силами природы, не знающими предела в своём хаотическом творческом порыве.

Провал безмолвствовал. Ему даже показалось, что оттуда повеяло холодным сквозняком.

Но куда, куда идти? – очнувшись от гипнотической силы тьмы, снова задался вопросом Тень и повернулся спиной к «залу».

– Нужно идти. – тихо произнёс Тень, не отрывая взгляда от зияющего под ногами чёрного провала.

Провал безмолвствовал. Ему даже показалось, что оттуда повеяло холодным сквозняком.

Но куда, куда идти? – очнувшись от гипнотической силы тьмы, снова задался вопросом Тень и повернулся спиной к «залу».

В мирной лазоревой дали медленно пропадала серебристая точка удаляющегося самолёта. Среди царства смерти, раскинувшего свои владения на месте стёртого с лица земли города, только эта точка продолжала целенаправленно двигаться, напоминая о невидимой жизни.

Не желая больше оставаться среди безжизненной пустыни, Тень безотчётно побрел вслед за тающей в небе дымчатой дорожкой, оставленной самолётом.

Сначала он шёл отрешённо, глядя прямо перед собой, не замечая ничего и никого вокруг. Шёл, опустив голову, и только изредка поднимал её для того, чтобы только убедиться, что он не сбился с выбранного пути. Самолёт давно исчез за горизонтом. Дорожка, оставленная выхлопными газами, почти растворилась, превратившись в вытянутое полупрозрачное облачко. А он всё шёл и шёл, похожий на отшельника, которого не трогают ни красивые пейзажи, ни люди, удивлённо оглядывающиеся на странника: не от мира сего.

Он шёл, пока его не остановил простой вопрос:

– Извините, вы не подскажете, сколько сейчас времени?

– Что!?

– Я спрашиваю, который час.

Тень машинально посмотрел на небо, по-прежнему не замечая того, кто остановил его. Затем опустил голову и непонимающе посмотрел на стоящего рядом с ним человека. Театр, – подумал он, осматривая незнакомца, облачённого в зелёную одежду.

– С вами всё хорошо, – незнакомец участливо посмотрел ему в глаза, тут же скромно опуская ресницы.

– Время... Да-да время, – глупо улыбнувшись, произнёс Тень и пошёл дальше, провожаемый изумлёнными глазами.

Отойдя на небольшое расстояние, Тень обернулся и осведомился:

– Вы спросили о времени?

Незнакомец попытался снова улыбнуться:

– Да.

– Нет, времени нет.

– Спасибо.

– Спасибо? За что? За то, что не сказал, сколько осталось, или не огорчил тем, что уже опоздали?

– Гм-м. Не знаю. Мне нужно было узнать.

– Вы не узнали – вы счастливы?

– Счастлив? – незнакомец пожал плечами, глядя на утрамбованную колёсами и ногами грунтовую дорогу, виляющую

между холмами. – Не знаю.

– Не знаю. Как много «не знаю». Зачем вам время?

– Я... автобус... я спешил успеть. – Незнакомец, вконец сбитый странными вопросами, начал говорить невпопад, виновато озираясь по сторонам. – Ладно, я пойду, мне пора...

Тень молча покачал головой.

Незнакомец, довольный такой скорой и, по его мнению, удачной развязкой, быстрыми шагами удалился в сторону белеющих вдали домиков с остроконечными крышами. Странная встреча с «чудаком» произвела хаос в мыслях: «Говорят, в городе был страшный взрыв. Город разрушен. Может, он... тогда можно понять его странное состояние. Ох-ох, вот несчастье. Будь они прокляты! Белая дрянь! Всю жизнь исковеркали! Ничего, ничего, наше время придёт, мы ещё поквитаемся!»

Проводив взглядом человека в зелёной одежде, Тень взглянул на небо и продолжил свой путь.

Через несколько шагов он резко остановился. Постоял. Сделал ещё несколько шагов. Снова остановился. Оглянулся назад. Разглядел среди полей зелёную куртку, уже приближающуюся к крайнему дому.

Ему нужно было знать время. Он спрашивал, сверяя его с чем-то или кем-то?.. И вот он идёт среди полей, так и не познавший, не сверившийся, и тем не менее уверенно отмеряющий шагами свой путь. – Тень в замешательстве смотрел на крохотный домик, за которым скрылся человек в зелё-

ной куртке.

Отрешённая целеустремленность, с которой он следовал вслед за самолётом, не замечая ничего вокруг, улетучилась после нечаянной встречи, и он заметил, что передвижение его в пространстве сопровождается удивительными, фантастическими ощущениями нереальности. Пространство словно искажалось. Сначала он не находил объяснения новым для него ощущениям.

В нерешительности он сделал несколько осторожных шагов. Потом ещё. Нет, показалось, – с облегчением вздохнул он. – Мне нужен отдых – слишком много пережито за последние... часы?... мгновения?... Остановиться. Упасть в траву. Провалиться в приятное забытьё, провожая лёгкие невесомые облака. Так и сделаю!

Для дотошного стороннего наблюдателя Тень проспал всего лишь час и три минуты. Но ему показалось целую вечность, – пробудившись, он долго, блаженно смотрел на склонившиеся над ним травинки, колышущиеся от малейшего дуновения. Улыбался и не хотел вставать. Затем сел, потянулся, пробуждая ещё не проснувшееся тело, и бодро вскочил.

Ничего не изменилось! – радостно отметил он про себя. – Та же дорога. Деревушка, затерявшаяся среди ровных квадратов рисовых полей. Холмы, за которыми скрылся мой самолёт. Ничего, – продолжал он сверяться со своей памятью, – вот и «зрительный зал», похожий на беспросветную

пропасть, и светильник-прожектор где-то на самом верху... Под потолком, – продолжала подсказывать услужливая память, не в силах подсказать другое сравнение. – Я здесь – там, где и был.

Тень замешкался, не находя чего-то, что обязательно должно было бы присутствовать и вдруг не оказалось на знакомом месте.

Мне нужно идти, – вспомнил он, не найдя того, что искал. Он повернулся в сторону ближайших холмов и, раздвигая податливую траву, уверенно пошёл наискосок к знакомой грунтовой дороге. И вскоре запылел, повторяя её изгибы, спуски и подъёмы.

Пространство снова исказилось.

Так надо, – спокойно отметил про себя Тень, – Здесь это обычное явление. – А услужливая память продолжала подсказывать, облегчая привыкание к новым условиям. – Словно смотришь на мир сквозь увеличительное стекло. Поворот. Обычный незаметный поворот, а изображение за выпуклым стеклом неожиданно размазывается, ускоряясь и искривляя пространство.

Он шёл обычным размеренным шагом, четыре-пять километров в час, а декорации с обеих сторон, кривляясь и гримасничая, пролетали мимо с немыслимой скоростью. Ощущение пассажира, идущего по ходу несущегося на огромной скорости поезда. Пролетели поля... Промелькнула прибрежная полоса... Кругом заплескались волны, накатываясь

со скоростью истребителя и также торопливо убегая за горизонт... Снова прибрежная полоса... Пальмы... И опять заплескались океанские волны... Белые барашки поспешно убегали прочь по бирюзово-серой поверхности океана, исчезая на границе зрения. Песчаные безжизненные островки – помарки на мелькающей киноплёнке. Из-за горизонта вынырнул большой остров, наполовину покрытый скудной тропической растительностью.

Всё, больше не могу. Нужно отдышаться. – Тень прислонился спиной к высокой тонкой пальме. В воздухе возник быстро приближающийся звук, похожий на звук летящего жука.

Устало, гудя четырьмя движками, на посадку заходил пузатый бомбардировщик, поблёскивая на солнце серебристым фюзеляжем.

Тень внимательно следил за его посадкой.

Вот шасси едва коснулись земли, поднимая облачко пыли и снова подпрыгнули в воздух, не соглашаясь с невидимой волей пилота. «Ведь он так полюбил безграничные голубые пространства». Скрытые механизмы заставили самолёт окончательно плюхнуться на взлётную полосу и, покачивая крыльями, направили его в строй однополчан, застывших ровными рядами на краю поля.

Уж не тот ли... – подумал Тень, вспоминая серебристую точку в высоком небе.

К самолёту спешили люди в белой и синей форме с многочисленными нашивками и значками, пришитыми и прицепленными где угодно: на головном уборе, рукавах, на груди и даже на штанах. На лицах было заметно оживление и любопытство: «ну как там?»

Люк самолёта откинулся и на землю спустился уставший и понурый экипаж.

– Ну как?

– Вжарили?!

– Дали прикурить зелёномордым?

Посыпались вопросы. Многие по-приятельски хлопали прилетевших по плечу, радостно пожимали руки. Те в свою очередь сухо и с многозначительным видом отвечали на вопросы, улыбаясь в ответ.

– Вот это штука. Всё, что я видел до сих пор, так, тьфу.

– Ба-бах! и города нет.

– Да с таким оружием мы их быстро поставим на колени.

«Грины» вонючие.

До Тени долетали отдельные громкие возгласы, но и по ним было понятно – это тот самый самолёт.

– Эй! ты кто?

Окрик был настолько неожиданным и громким, что Тень невольно вздрогнул и быстро оглянулся.

Возле него стоял широкоплечий верзила в белой форме. Его правая рука напряжённо теребила кожаную кобуру, готовая в любой момент воспользоваться её содержимым.

В первые секунды Тень не находил слов для ответа. Они так и стояли напротив друг друга, настороженные и испуганные.

– Я тебя спрашиваю! Как ты здесь оказался? И кто ты? Ты меня слышишь? – Первым нарушил молчание Верзила.

– Тень. – Тихо произнёс Тень, прикладывая руки к груди.

– Э-э! Руки опусти, – верзила напрягся. – Вот так. Что тень?

– Я – Тень.

– Ха, – осклабился Верзила, – ну да, а я – солнце. Иди вперёд и без выкрутасов! А то я тебе сразу солнце погашу. Ты понял!? – Верзила кивнул головой в сторону одноэтажного строения, сколоченного из листов фанеры.

Тень подчинился. Он не знал, почему, но что-то подсказывало ему, может, чёрный провал «зрительного зала»: так надо.

– Сержант, ты кого привёл?

– Говорит, тень. Я нашёл его на краю поля у той пальмовой рощицы. Вроде как не местный. Стоял себе и смотрел.

Тень прислушался.

В «зрительном зале» произошло некоторое оживление. Из темноты донеслись негромкие хлопки, похожие на жидкие аплодисменты. Не может быть?! Нет, вот опять, – Тень сморгнул, словно пытаясь прогнать наваждение. Нет, он не ошибся: сержант снова слегка поклонился в сторону знобящего мрака. Как это делают актёры в благодарность за ап-

лодисменты.

Отвлёкшись таким странным поведением, он вернулся к действительности, происходящей на «сцене»:

– Ясно. – Выслушав Верзилу, черноволосый, коротко остриженный мужчина повернулся к Тени и стал внимательно разглядывать его из-под густых бровей.

Тень узнал этого человека – он первым спускался по трапу прилетевшего бомбардировщика. По тому уважению, которое оказывали ему там, на поле, и здесь, в полуосвещённом душном помещении, он понял: перед ним тот, кто решает судьбы. Здесь, на затерявшемся среди океанских волн тропическом острове он – повелитель человеческих душ.

– Так, значит, говоришь, тень, – после долгого молчания устало произнёс мужчина в белой форме, приподнимая чёрные брови. – Ну-ну. Откуда ты? И одежда у тебя какая-то странная – серая. Вроде и не зелёная, и не белая, да и не синяя. Так – нейтральная. Хитро.

Тень молчал, краем глаз удивлённо разглядывая сам себя. Он только сейчас с чужих слов заметил, что одет в короткую куртку и штаны свободного покроя, сшитые из лёгкой ткани пепельного цвета. Цвет был настолько необычным, что в соприкосновении с любым фоном он тут же сливался с ним, приобретая его оттенки. Вот и сейчас ему показалось, что его одежда скорее белая, чем серая.

Он вопросительно посмотрел на ожидающего мужчину.

– Мы так и будем играть в молчанку?

Опять! Теперь уже ясно Тень увидел, как чёрнобровый с важным видом поклонился тёмному провалу, ожившему жидкими овацями.

– Ладно, хорошо, если тебе трудно это сделать, то позволь, я представлюсь первым: Пи-Ти (позже Тень узнал, что в этом странном мире, куда занесла его злополучная судьба, имя и особенно положение очень важны для идентификации личности, но от полных имени и фамилии остаются только начальные буквы. Своеобразное эхо, отголосок. Так, Пи-Ти напоминают о латинских Р... Т..., но это скорее привычка нашего мышления, чем факт), душеприказчик-защитник второй степени отдельной авиагруппы Бело-Синих, расположенной на этих чёртовых островах. Так что считай, по законам военного времени, я душегуб, решающий судьбы... – он замер и снова повторил сквозь губы, – на этих чёртовых островах.

Тень не хотел. Всё случилось самопроизвольно (говорили же мне старшие: сначала подумай, потом говори):

– Чего-о!? Вы что... серьёзно?

Настала очередь открыть рот душеприказчику-защитнику второй степени. Он весь побагровел и, раздувая круглые щеки, первое время просто выдувал воздух сквозь сложенные дудочкой тонкие губы. Наконец он смог возмущённо произнести:

– Да ты что! Издеваешься! Да мне же ничего не стоит...

Душеприказчик-защитник замолчал на половине фразы,

видимо не желая выдавать истинную стоимость некоторых, оставшихся неизвестными ценностей.

Молчал и Тень, поставленный в тупик возникшей ситуацией. Комично-трагической одновременно.

«Мало того, что он нёс полнейшую ахинею с точки зрения здравого человека: какие-то там „душеприказчики-защитники“, „душегубы“ и „бело-синие“ (кто такие?), он ещё и возмущался тем, что кому-то была непонятна эта абсолютная чепуха».

«Кто он? Так разыгрывать удивление! Высококласный шпион или дурак в сером балахоне? Мы только что испытали сверхновейшее оружие, и немудрено, что вражеская сторона заинтересуется им. Но так быстро среагировать? Мы только приземлились!? Нет, невозможно, он точно балбес, которые в излишестве водятся в этих тропических джунглях.» – ПИ-Ти, придя в себя после искреннего возмущения, успокоившись, пригладил короткий ёжик волос и уже с невозмутимым видом посмотрел на задержанного.

– Значит, говоришь «серьёзно». Ну, чтобы ты поверил в серьёзность моих слов, посиди-ка под замком и под стражей. Пока решу, что с тобой делать. Сержант!

Верзила, скучающий возле стены, сразу вытянулся, превращаясь во внимание:

– Готов служить, душеприказчик-защитник второй степени!

– Отвести его в караул и охранять до моих дальнейших

распоряжений. Всё ясно, сержант?

Тот коротко и подобострастно кивнул головой и, тронув Тень за рукав, сказал:

– Пошли.

«Зрительный зал» оживился, будто там взмыло во мрак множество летучих мышей.

Пи-Ти машинально кивнул головой, задумчиво улыбнувшись в ответ.

Сержант и задержанный исчезли за дверью. Он остался один и сразу ощутил сильную усталость. Желая хоть чуть-чуть придти в себя после тяжёлого дня, он вытянулся на стуле, завёл руки за голову и блаженно прикрыл глаза.

Перед внутренним взором сразу оживилась картинка, скорее походившая на ночной кошмар. Пи-Ти заново переживал события сегодняшнего дня.

Он даёт газ и левым разворотом уводит свою боевую машину в сторону от эпицентра взрыва.

Вдалеке сверкнул на солнце металлический борт другого бомбардировщика, ведущего аэрофотосъёмку. Всё вокруг приняло мрачноватый тёмно-синий оттенок: внутренняя обшивка самолёта, приборная доска и даже белые облака превратились в синие ватные обрывки, парящие в тёмно-фиолетовом пространстве. Он смотрел на мир сквозь линзы специальных очков, защищающие глаза от яркой вспышки взрыва.

Момент взрыва он не видел. Он только ощутил его. Сна-

чала ослепляющим бликом на лобовом стекле кабины, затем могучую машину основательно тряхнуло.

Ещё доворот. И вот в левое окошко Пи-Ти увидел быстро растущий гриб, состоящий из клубов чёрного и белого дыма, пыли и обломков, медленно оседающих вниз.

Гриб уже достиг исполинских размеров и продолжал расти на глазах, увлекая вверх клубы дыма. Его гладкая (Пи-Ти даже показалось: склизкая) шляпа уже была над самолётом. На втором плане бледно светило жалкое светило.

Пи-Ти глянул вниз. По спине пробежал холодок – не хотел бы он сейчас оказаться на месте горожан. В сторону от мгновенно выросшего гриба быстро разбежалось белое кольцо ударной волны, оставляя после себя выжженную пустыню.

Бр-р, – он пошевелил плечами, прогоняя холодное оцепенение, вызванное увиденным зрелищем. – Как страшно! Ужасно! Ведь там люди!.. Дети!!! – Сердце бешено заколотилось. Кровь прихлынула к лицу. Руки судорожно сжали штурвал. Наушники зловеще молчали. – Тишина у ложа усопшего, когда все физически ощущают присутствие смерти, – пронеслось в голове.

Пи-Ти почувствовал себя виноватым ребёнком. Он сейчас непоправимо напроказничал. Разбил чью-то любимую и драгоценную вещь. И, боясь наказания, спрятал следы своего «преступления». Но возмездие неотвратимо. И он знает это и с содроганием ожидает.

Вдруг наушники ожили и злорадно засмеялись дьявольским смехом:

– Получайте, уроды! «Грины» проклятые! Это вам за брата и за друга!

Пи-Ти очнулся. Сорвал очки и вытер холодный пот.

В чёрном провале «зрительного зала» творилось нечто непонятное. «Зал» бушевал; из его непроницаемой тьмы выплескивались целые шквалы рукоплесканий.

А ведь точно, – укорил себя душеприказчик-защитник второй степени, – чего это я расслабился. Расчувствовался, как кисейная барышня. Тоже мне – боевой душеприказчик-защитник – пожалел, кого!? Врага! А они тебя жалели! Сколько товарищей полегло! Вот и получайте. Вот и вам возмездие пришло. Время отвечать!

Пи-Ти благодарно плескался в овациях, вытирая слезу в уголках глаз...

– Не помешаю?

Пи-Ти нехотя открыл глаза и взглянул на вошедшего отрёпанными глазами: мол, дорогой мой, ты так не вовремя! Но в ответ сделал приглашающий жест рукой: давай, чего уж там, заходи.

В комнату вошел худощавый и высокий Кэй-Ай (от латинских К... I...), душеприказчик-защитник четвёртой степени, метеоролог авиагруппы. Он вёл тот второй самолёт, проводивший аэрофотосъёмку воздушной атаки на город.

Войдя в комнату, Кэй-Ай замер у порога, теребя в руках

изрядно поношенную форменную кепи.

– Ну? – Пи-Ти заметил капли пота на высоком лбу Кэй-Ай, но не придавал этому значения – тропическая духота изнуряюще действовала на всех.

Пауза затягивалась. Пи-Ти выпрямился на стуле и, приняв официально-вопросительный вид, приподнимая руки и рисованно-удивлённо морща лоб, повторил:

– Ну, я слушаю вас, Кэй-Ай. У вас такой вид, будто вы потеряли свой самолёт, а сами выпрыгнули с парашютом. Что случилось, дружище? – Последняя фраза прозвучала неестественно фамильярно.

– Вы видели его?

– Кого? Прошу изъясняться точнее, я не чародей, умеющий читать чужие мысли.

– Взрыв. – выдохнул Кэй-Ай.

– А вы как думаете? Я всё-таки непосредственный исполнитель, так сказать. – Пи-Ти начал терять терпение. Он всегда недолюбливал своего метеоролога за его скрытность и малообщительность: «Тоже мне – философ».

– Одним махом мы стёрли целый город и тысячи жизней. Раз, и всё! Я видел своими глазами – я вёл фотосъёмку. И солнце... – Душеприказчик-защитник четвёртой степени замолк на полуслове и прислонился к стене. Его глаза походили на окуляры фотокамер – стеклянно-неживые.

Пи-Ти внутренне содрогнулся, встретившись взглядом с подчинённым. За стеклянными зрачками он увидел без-

жизненную пустыню на том месте, где только что кипела жизнь. Выжженную и исковерканную. В какой-то миг ему захотелось вскочить, подбежать к товарищу по оружию, прижать его по-дружески к себе и найти те слова-бальзам, которые согрели бы и излечили простудившуюся душу. В какой-то миг... Он боязливо покосился в «зал». Хватит нюни распускать, – отдёргнул сам себя, поправляя сбившуюся форму, – тоже мне: душеприказчик-защитник второй степени, командир авиагруппы! Подчиненный может проявить слабодушие. Но ты!? Да и подчинённому пора брать себя в руки, а то завтра он не сможет чётко выполнить мой приказ. Тьфу ты ... – Пи-Ти мысленно выругался, стараясь «плюнуть» в бесформенный белый «мешок», прислонённый к стене, который некогда был душеприказчиком-защитником четвёртой степени. Однако вслух он произнёс, подойдя вплотную к Кэй-Ай:

– Возьмите себя в руки! Вы душеприказчик-защитник, а не чувствительная девушка, падающая в обморок при виде раздавленной ею букашки. Вам доверено защищать Родину! А вы... стоите тут как размазня. «Город стёрли», – передразнил Пи-Ти своего подавленного подчинённого. – Надо будет, и ещё сотрём. Я бы всю эту зелёную плесень стёр бы к ... – Пи-Ти вытер слюну, выступившую в уголках рта. – Цвет или белый или зеленый. И уж поверьте мне, для нас лучше, чтобы он был белый. Ну ещё можно допустить синий (союзники всё-таки), хотя пусть и он катится ко всем чертям! Белый,

слышите меня! Белый, как моя форма! – Он почти кричал прямо в лицо опустившему глаза душеприказчику-защитнику четвёртой степени. Этому интеллигенту, непонятно каким образом попавшему в боевую часть.

Он хотел (ох, как ему хотелось!) своим криком размазать его по фанерной стене, превратить в жалкий прах, стереть из своей жизни, забыть! Он сейчас упивался своей властью. Властью над чужой душой. Ведь по законам военного времени он мог... – Пи-Ти неожиданно замолчал и, резко повернувшись, вернулся на своё место. Не сводя тяжёлого командирского взгляда с подчинённого, он медленно сел на стул и положил локти на стол.

Жара, – подумал он, вытирая липкие капли со лба.

Раздражение сменилось удовлетворением. Он словно сорвал внутри себя плотину, и вырвавшиеся наружу стихии, сметая всё на своём пути, унесли прочь невыносимое давление, таившееся за хрупкой плотью. Но больше всего тешили душу Пи-Ти те звуки, вырывающиеся из чёрного мрака – тысячи птиц взмыли вверх, восторженно хлопая ему своими крыльями.

Какие прекрасные звуки – звуки собственной значимости и сопричастности. Ради них он и жил. Ради них живут все, и даже этот «мешок» у стены, называемый в миру Кэй-Ай, – язвительно думал Пи-Ти, не сводя победоносного взгляда с униженного подчинённого. Он мог, конечно, мог, одним своим словом бросить его в объятия небытия. Сте-

реть из списков если не живых, так хотя бы нормально живущих. Мог, но зачем? – Он здесь, чтобы исполнять приказы и служить своей Родине – своему Цвету! Так пусть исполняет свой долг, если не хочет для себя, так хотя бы для других зарабатывает Об-рок. И я как командир авиагруппы, добьюсь этого.

– Вам всё ясно, душеприказчик-защитник четвёртой степени? Вы здесь для того, чтобы давать моей авиагруппе метеосводку, а не для променада с девушкой в тени пальм. Это ей вы можете рассказывать, какой вы добросердечный и мягкий, – Пи-Ти саркастически ухмыльнулся, с удовольствием наблюдая опущенную голову Кэй-Ай (ах, какое наслаждение) и добавил, – это ей можете поплакаться в плечо, рассказывая об ужасах войны. Поверьте мне, девушкам нравится слушать своих пропахших порохом возлюбленных. «Ах, это так романтично.» – Пи-Ти поднёс руку ко лбу, изображая из себя жеманную красавицу. – Ха-ха-ха, – засмеялся он, довольный самим собой («зал» не унимался – вот это Об-рок!).

– Разрешите идти? – Кэй-Ай выпрямился и посмотрел сверху вниз на своего развеселившегося командира.

Улыбка слетела с лица Пи-Ти, он вскочил на ноги – сквозь стеклянные зрачки на него вновь дохнула пустыня смерти. Ему хотелось кричать и проклинать, но во рту пересохло, и язык отказывался подчиняться своему хозяину. Он не просто увидел пустыню, он всем своим существом ощутил её горячее обжигающее дыхание. Всё, что у него получилось,

тихое и сухое:

– Идите.

– Да, сэр.

Когда за Кэй-Ай закрылась дверь, Пи-Ти шёпотом добавил:

– Идите ко всем бесам.

Он свалился на свой стул и потянулся к ящику у стола. Вытащил гранёную бутылку и рюмку. Внутри всё клокотало, и он не знал точно, что послужило причиной гнева и подавленности. Моралист Кэй-Ай, усталость после тяжёлого боевого задания, проклятый взрыв, похожий на ядовитый гриб, источающий из себя смертельные испарения, убивающие всё вокруг, чьи споры посеял он сам вот этими самыми руками. – Душеприказчик-защитник второй степени безразлично посмотрел на свои руки, – может, война? А что война – один из видов существования. Который, кстати, даёт куда больше свобод и возможностей, чем опостылевший мир. Мог ли я мечтать о такой карьере в мирное время? Нет! – Пи-Ти откупорил бутылку и наполнил до краёв рюмку. – Ну, будем. А за что?.. За победу? И что потом? Сейчас я властелин душ, первый бомбардир, мне жмёт руку сам Гонаци. А после победы... За тебя, Пи-Ти. – Пустая рюмка глухо звякнула по столу.

Облегчение было временным. Слишком скудным был источник, затерянный среди высушенных песков. – Будь ты проклят, Кэй-Ай... и война, и мир. Стану! стану я душепри-

казчиком-защитником первой степени. Возможно, даже, душегубом-защитником и что... – он не заметил, как наполнил вторую рюмку, – что: Об-рок, Об-рок, Об-рок; для чего? Чтобы жить?

– Проклятье, – Пи-Ти посмотрел на янтарный напиток, поднеся его на уровень глаз, и быстро осушил.

Приятная, тёплая, согревающая горечь соприкоснулась с горькой жёлчью, и вскоре две подруги распевали песни, обнявшись и нашептывая одна другой свои тайны.

Пи-Ти сидел за столом в задумчивой позе, поставив локти на казённую столешницу и подперев подбородок сложенными в кулаки ладонями. Он слегка захмелел, и его остекленевшие глаза не мигая смотрели в пустоту. День, с его беготнёй, заботами и долгом остались где-то там, за далёкой, далёкой, затерявшейся в тумане стеной. Сама стена скорее походила на мираж в пустыне, чем на что-то реальное и осязаемое – она покачивалась и плыла...

Полевая авиабаза погрузилась в темноту. На небе загорелись звезды. Тишина и покой укрыли разгорячённую землю, и только могучий океан о чём-то шептался с наклонившимися к воде пальмами. Тень сидел, прислонившись к стене, и прислушивался к звукам ночи. Ему не спалось.

Мысль пыталась ухватиться за некую ускользающую грань, но непременно соскальзывала и проваливалась в бархатное безмолвие. Ему хотелось охватить необъятное – день

прошедший.

Казалось бы, такой пустяк – двадцать четыре часа. Солнце выглянуло из-за горизонта, приподнялось, сонливо потягиваясь, оглянулось и, быстро пробежав по небосводу, устало и умиротворённо ушло на покой, окрашивая на прощание высокие перистые облачка в пастельно-розовые тона.

Но кто сказал, что двадцать четыре? Умножьте на число просыпающихся и засыпающих, и вашему взгляду откроется величавая вершина айсберга под названием жизнь, она, подминая под себя волну, самоуверенно, порой даже чересчур, движется среди бескрайних океанских просторов. Человеческая натура, восторженно любуясь нависшей на ней ледяной глыбой, уже стремится, жаждет проникнуть в таинственные глубины, темнеющие под белыми бурунами неумных волн. Ведь там, вспарывая солёные воды и разгоняя стайки рыб, парит в невесомости остальная часть ледяной глыбы. И она настолько превосходит увиденное на поверхности, что разум теряется среди грандиозных нагромождений и отказывается верить в их реальность.

Подводная часть айсберга – это результат умножения, многократно возведённый в степень, состоящую из наших помыслов, замыслов, желаний, великих и не очень идей, сиюсекундных капризов и многого, многого того, что называется одним словом – бытие, или если угодно – её величество жизнь.

– Цивилиус? – Тень озадачено смотрел в полумрак поме-

щения, еле-еле угадывая в углу малоприметную будочку.

Я вздремнул? Забылся? Или, может быть, Цивилиус говорил со мной, а я не замечал, – промелькнуло в голове Тени.

– Сидишь. – Проскрипел знакомый голос в ответ. – Ну, как ты, освоился на «сцене»? Не шарахаешься больше, вызывая недоумение «зала», возмущение и раздражение «коллег».

– Сижу. Сижу, Цивилиус.

В их голосах слышалась радость. Так шепчутся друзья после долгой разлуки, забывая, что на улице уже давно полночь.

– А я знаю, дорогой мой, не забывай: всё происходящее на подмостках происходит не без моего участия, как никак – Управляющий, кхе-кхе.

– И давно ты стал Управляющим?

– Давно? Вот всегда у вас так, – в голосе послышалось разочарование.

– Что? – не понял Тень причины разочарования, – и у кого – у нас?

– У театралов! Всё условно. Время, места, билетки, анонсы, афиши, драмы, комедии, трагикомедии. Иногда оглянешься, мать моя, лица новые, а всё по-старому. Толкаются, извиняются, шепчутся, интригуются, ожидают и разочаровываются, рукоплещут и тут же скучают. Они продавливают пронумерованные сиденья в ожидании зрелища и получают его. Немногие удосуживаются задаться вопросом: вход-

то бесплатный и свободный, а как же актёры, декорации? Кто платит? И чего это стоит?

– А это стоит? – осторожно спросил Тень и тут же пожалел об этом, – ответ напрашивался сам собой.

– Травинка на лугу ничего не стоит. Звезда несётся себе в космическом вакууме, так, задаром. Земля вертится, между прочим. Галактики? Вам сколько? Законы Вселенной? Бери! На! Так нет же, вам нужно увидеть, ощутить нервную дрожь, вкусить сладость или горечь, наслаждаясь предчувствием и гордясь обладанием и приобщением. Посмотрел, посмаковал, давай ещё!

Ничего не стоит, если не рвать ромашку с целью ошипать её до уродливости, чтобы только узнать: любит, не любит. Или тщеславно теша себя мыслью о превосходстве разума над жалкой природой, сумевшей, только-то и всего, создать это жалкое творение, состоящее из лепестков и стебелька, заключать его в букет высокого искусства и, обволакивая высокопарными фразами, дарить, обрекая на казнь временем.

Не стоит там, где всё удивительно едино и взаимосвязано, оставаться стихийно свободным. Где нет смерти в понимании разума, ведь она всего лишь одна из многочисленных форм бесконечно непознаваемого... Ох, да что же это со мной, как встречу тебя, так сразу язык развязывается!

Старик замолчал. Вдалеке послышался шум прибоя. Тень не нарушал тишину, прислушиваясь к звукам ночи.

– Ты чего молчишь? Обиделся? Зачерствел, да-да, я

и сам чувствую. Посиди здесь с моё – в камень безмолвный превратишься. Вон как мои предшественники. Они оттого и безмолвны, что сказать-то нечего, так – суета. А ты не обижайся на меня, это я по привычке. Мне велят, я управляю. Мне приносят, я доношу. А болтать я не имею права, это, как тебе сказать, – против моей природы.

– Со мной же болтаешь.

– С тобой другое дело. Я уже говорил тебе. Ты практически свободен. Говори, что хочешь, делай, что пожелаешь.

– Практически?

– Конечно – всё на сцене... кх-кх... м-да.

Снова стал слышен усыпляющий шум прибора.

– Цивилиус, ты чего-то не договариваешь.

– А ты догадлив. Надо же: «не договариваешь». А я и не должен с тобой говорить. Ты забыл: я эхо-о-о. Теннисный мячик, пум-пум, пум-пум. Бей, пока не выдохнешься. Пум-пум, пум-пум, э-э, да ты увлёкся, глаза сверкают, наш человек. Азартен, ох азартен! – Голос возвысился, – Слюна так и брызжет! Ага, устал, – голос понизился и стал елейно-сладким. – Во рту пересохло, иди, отдохни в тенёчек. А вот уходить не велено. – В голосе появились металлические властные нотки, – Ах ты, настырный. Ну что ж, пожалуйста. Вы замерли!? А, ну да пропасть, тьма. Боязно?.. – короткая пауза и следующая фраза гремела уже безапелляционно повелительно, – вернись и играй!..

Тень слушал с трепетом, который испытывает любой че-

ловек, повстречавшись с ненормальным, да к тому же ещё и буйным. Наконец он решился прервать возникшую тишину, осторожно подбирая слова:

– Цивилиус, ты прости меня, неуча... Я первый день здесь, и многое мне непонятно. Вот ты бол... говоришь, говоришь, а ведь мне многое неясно, и даже, извини, мысли нехорошие закрадываются...

– Ха-ха-ха, кх-кх, ха-ха-ха, – Цивилиус долго не унимался. Он по-стариковски откашливался и заливался новой порцией смеха.

Тень тоже заулыбался. Сначала настороженно, потом, слыша, как искренне смеётся старик, он не выдержал и засмеялся вместе с ним. Ему представился благообразный седой старик, катающийся, как ребёнок, по полу и весело, задорно дрыгающий сухожильными ножками в воздухе.

– Ха, да, ха-ха, – Цивилиус начал успокаиваться.

Тень представил, как тот вытирает старческие глаза, на которых проступили слёзы, вызванные заразительным смехом.

– Рассмешил... ох, рассмешил! Так ты посчитал меня сумасшедшим. Вот, мол, старик совсем из ума выжил, чушь несёт. Так?

Тень слегка пожал плечами.

– Так? Та-ак! С вами можно сойти с ума, но слава... нет, точно, стар стал – заговариваюсь. Кх-кх. – Цивилиус замолчал, словно споткнулся. Через секунду он снова заговорил. –

Не забывайся: я хоть и служитель Триумвирата, но при этом абсолютно бесстрастен. Тем и живу до сих пор. А так бы точно... Я бесстрастен, бесчувственен, я наблюдатель с правом голоса и при всём том – я обладаю и чувствами, и мне не чужды страсти.

– Такое невозможно, нельзя оставаться безучастным, являясь частью действия!

– Вот ты опять пытаешься осознать непознаваемое. Так кто из нас более сумасшедший? Я же говорил тебе – я многолик, а значит безличен. Я всё и ничто. Для тебя это абракадабра, а для меня – жизнь. Ты соприкоснулся с неизвестным и пытаешься его постичь. Придать знакомые тебе черты и прилепить ярлыки. Всячески превратить неизвестное в узнаваемое. Но я-то верю, что живу и живу так, как верю. А ты запутался в дебрях образов. Лепя себе подобное, ты так увлёкся, что забыл о том, что лепишь с натуры. Так кто из нас сумасшедший: я, воспринимающий себя как часть целого, живой и неделимый; и вы, познающие сквозь призму своих нервных окончаний. Мы встретились, близкие по духу (в отличие от остальных на сцене), ты попросил у меня помощи. Я услышал твой зов, и, видя, в какой необыкновенной ситуации ты очутился, протягиваю руку и что же слышу в ответ из уст утопающего? «Зачем вы тянете ко мне свои руки!? У вас странные пальцы и непонятная ладонь. Я не знаю вас, вы, случайно, не заразны? Дайте-ка, я возьму пробу для анализа из-под ваших ногтей...» Дорогой мой, прежде чем

делать выводы о ком-то или о чём-то, подумай, насколько в них будет правды и насколько истины. Ибо, правда это ты и только ты, а истина непознаваема, но есть суть всего и тебя в том числе.

Тень вскочил на ноги. Его сердце гулко билось в груди. Сильное волнение охватило затворника.

– Прости, прости, Цивилиус, конечно, конечно, я глуп – пытаюсь судить неподсудное. Придать форму бесформенному...

– Тс-с...

– Что?..

– Да нет, показалось. Мне послышалось. Старею. Скорее бы встретиться с Архивариусом. Отчитаться перед затхлым чинушей-временщиком и на покой.

– Послышалось? Ты о чём?

– Да, вроде как Триумвират призывает служить. Ан, нет – сквозняки гуляют... Сквозняки!? Послушай, дорогой ты мой, как же я раньше этого не замечал? С твоим появлением повеяло свежим воздухом, где-то забыли закрыть дверь...

– Цивилиус, не тяни, говори.

– Выход, понимаешь – выход. Для тебя возможен выход. Вон из этого...

– Что же ты замолчал! Ты говорил о каком-то выходе. Что же ты замолчал?

– Я Управляющий. И не всё мне подвластно. Вот и Слово, великое Слово, хоть и наполняется мною звуком, но не под-

властно мне. Я могу сочинять, красиво говорить, торжественно декламировать, клятвенно обещать и проклинать, наконец. Но оно, моё слово, будет всего лишь звуком. Оно может звенеть железом, реветь прирученной энергией, заглядывать в макро- и микромиры, убивать тело и душу, и при этом оставаться частью физики, обыкновенной волной. А истинное Слово, одухотворённое и творящее, недоступно мне. Я правитель душ и не более того. Я слишком много, очень слишком, поверь мне, рассказал тебе. Больше я не смею, да и не могу (слишком ничтожен). Иди и помни – всегда есть выход из мракобесия, и не прельщайся яркими многоцветными софитами.

– Что же плохого в цветах, Цивилиус? Они радуют глаз и умиляют сердце. Вот радуга, например...

– Радуга просто так. Не навязывается. Появится на небосклоне, как бы подсказывая: живи и радуйся, и не беги сломя голову в стремлении схватить нечто, недоступное пониманию. Но многие срываются, бегут до одышки, до измождения. Добегают, хватают руками. И торжествующе разжимают ладони: «Вот оно!» – а там пусто. Только мелкие капельки, в которых, дрожа, отражается вытянутая разочарованная физиономия: «Фи, только лишь всего». Да, всего.

– Так чего же бояться?

– Бояться ничего не надо.

– Ты же сам сказал.

– Хм, интересно, что тебе слово «прельщайся» слышится

лось как «бойся». Велико Слово и всемогуще.

– Ты всегда говоришь загадками. Ох, дорогой мой Цивилиус, сумею ли я когда-нибудь понимать твои загадки.

– Загадками? Да-а. Загадки – это то, что тебе хочется слышать. Я говорю языком Цивилиуса и не более того. Кстати, ты так и собираешься здесь сидеть?

– Цивилиус, а разве это не твой спектакль. Мне представлялось, ты знаешь. Разве тот круглолицый говорил не то, что ты ему нашёптывал.

– Разговор не о нём, а о тебе. Какой же ты недогадливый. Сказанное им с ним и останется, возьмёт его за руку и поведёт. Ты же не собираешься, надеюсь, идти за ним.

– Не имею никакого желания. Но часто нас вынуждают идти не по своей воле. Не пойдёшь сам, так подтолкнут сзади и вашей потянут.

– Ну-ну-ну, наслышаны! Наслышаны, мой безвольный товарищ. Ты себя-то послушай: не по своей воле, а где она у тебя в это время была, а? Вопросик.

Тень явно увидел хитроватую улыбку Цивилиуса. Этакое лицо искуителя: простецкое, своё в доску, и зубки вроде улыбаются. «Ах, как вы милы и благодушны; ой, извините, уж очень ваши резцы откровенно показались из-под пухлых губ». «Ой, и точно».

Вопрос, заданный Цивилиусом, привёл Тень в замешательство: а ведь он прав – где? И тут его, вдруг, осенило:

– Скажи мне откровенно: вопрос задавал ты?

– Я эхо, ты забыл.

– Ага, значит не ты, кто же тогда?

– Ну вот, дожил, и с меня теперь спрашивают, – пробурчал себе под нос Цивилиус. – В какие это времена. И кто? Тень? Засиделся, засиделся я тут. Дряхлею. А всё почему – на «сцену» смотреть тошно – одно и то же, одно и то же. И фразы затёрты, и постановка... Плесень, кругом плесень, и сам заплесневел. – Старик потянул носом воздух, – ах как противно. Уйду, уйду, пусть другие слушают и подсказывают. – Цивилиус снова шумно втянул носом, – я же говорю: кто-то забыл закрыть входную дверь. М-м-м, чудо какая свежесть. Чего они все торчат здесь. Ведь есть же смельчаки. Уходят и не боятся. Хлоп дверью и потом, наверное, стоит и потирает затылок: чего я там делал? Глупец... Глупцы! – Бурчание старика, неожиданно превратилось в крик.

Тень отшатнулся. Сумасшедший!? Душевный крик? Откуда у эха душа? Увиливает от ответа? Ну, хитрец. – Вопросы, как один промелькнули в испуганной голове.

– Я не глухой, Цивилиус, зачем так кричать. Людей разбудишь.

– Да, и чего вдруг? Тень, Тень, давно у меня не было собеседника. Сплошь одни марионетки. Пойди туда! Сделай то! Противно, душа такая ранимая. А ты: воли нет. Должна быть воля!.. – Цивилиус словно поперхнулся и замолчал.

– Цивилиус.

Вдалеке ночной бриз гнал волны на берег, и те с шелестом

накатывались на пляж, оживляя ночную тишину.

– Цивилиус.

Ответом была тишина. Ни ставшего родным хрипловатого баритона, ни старческого покашливания. На остров налетел ветер, пробуждая уснувшие было пальмы. Тень понял, что остался один на один со стенами и мыслями.

Чуть позже, порядком изъёрзав на жёстком войлоке, заменившим ему постель, он уснул, проваливаясь в бездонную беспросветную бездну – крепкий сон дьявольски уставшего человека.

Пи-Ти сидел, прислонившись к стволу какого-то раскидистого тропического дерева. Рядом, на таком же складном стульчике, в непринуждённой позе, сидел щуплый человек лет пятидесяти. Его одежда, манера, поведение – всё указывало на то, что он здесь, среди военных, человек случайный.

П

и-Ти наклонился, взял с бутафорского столика, сооружённого из деревянного ящика, чашку с кофе и поднёс ко рту, вдыхая аромат напитка.

Часы показывали без четверти девять. Приятное время для только что проснувшегося организма.

Светило ещё не успело подняться слишком высоко, и его лучи, скользя по почти плоской поверхности острова, срывались с него бесследно и пропадали, растворяясь в лазури, добавляя в неё светоносные утренние краски.

Воздух был чист и прозрачен. За его голубой вуалью угадывался бездонный и загадочный космос.

– Как чертовски хорошо, не правда ли, почтенный Си-Ай, – Пи-Ти отхлебнул из чашки, прищурясь, посмотрел в сторону гражданского. В голове испарялись остатки вчерашней «анестезии», которая напоминала о себе неприятными ощущениями и вялостью.

Спасительной чашке бодрящего кофе придавалось особое значение: разбудить, вылечить, напоить высохшие губы. И она, хоть и с трудом, но справлялась с поставленной задачей.

Гражданский покачал практически лысой головой, жалкие остатки некогда буйной растительности продолжали удерживаться над ушами и слегка прикрывали тонкую, вытянутую вперёд шею:

– Да, хорошо.

Пи-Ти хоть и разыгрывал гостеприимного хозяина, но в душе был недоволен – приходилось делиться частью своей неограниченной на острове властью. Как никак, а этот «хиляк» был алфизиком из всемогущей Касты Жрецов. И Пи-Ти по каналу связи успели шепнуть: в Совете Спиритус он не чужой человек. Вот такие вот дела. Приходилось согласно кивать головой и по-командирски важно дублировать то, что скажет алфизик, один из создателей страшной бомбы.

И надо отметить, справедливости ради, делился властью

Пи-Ти не то что скрипя зубами. Нет. Срабатывала скорее привычка военного времени: на войне воля командира – дважды закон. Он делился, внутренне готовый к такому раскладу дел. Подготовленный всей своей прошлой жизнью, впитавшей вместе с голосами воспитателей: «Сынок, устав не для того написан, чтобы ты его знал. Он написан для того, чтобы ты знал своё место в строю; беспрекословно и свято соблюдал его, равняясь по правофланговому. Придёт время, и если ты не выпадешь из общего строя, равняться будут по тебе. Ты всё усвоил?» «Да, душеприказчик-защитник четвёртой степени!»

Перед ним был гражданский, примерно равный ему по рангу, но принадлежащий к загадочной Касте и к тому же один из создателей «штуки», в одно мгновение стирающей целые города. Это было похоже на злую магию, заслуживающую если не раболепного подчинения, то хотя бы должного уважения с привкусом заискивания.

Так, сидя в тени дерева, они спокойно обсуждали вчерашнее испытание на «местности». Гражданский внимательно слушал («что бы вы без нас делали», – ухмылялся в душе Пи-Ти), что-то записывал в свой потрёпанный блокнот. Рядом остывала фарфоровая чашка (числящаяся в хозяйстве авиагруппы как раз по такому случаю – для важных гостей).

– Угу... значит ударная волна... аэрофотосъёмку проявили?

– Занимаются.

– Прекрасно, прекрасно, – алфизик, азартно потирая руки, наконец-то притронулся к своей остывшей чашке.

– Вам кипятку добавить? Да, забыл сказать, вчера в расположении авиабазы был задержан странный человек. И по одежде и по разговору не то местный чудак, не то высокий профи. Пообщаетесь.

Пи-Ти сказал о Тени с двойным умыслом. Во-первых, снять с себя часть ответственности за всё то, что было связано со сверхсекретностью, окружающей бомбу. «Не мне одному расхлёбывать, давай, милый, раз уж ты здесь, попотей». А во-вторых, «маленько подстричь газоны, ну, чтобы лишнее не высывалось. Всё-таки военная часть, и я здесь старший командир».

Алфизик, увлечённый своими расчетами, сделанными в блокноте, оторвал взгляд от записей и непонимающе взглянул на Пи-Ти: «О чём это вы?»

– А? профи... кто местный?

«Хватит там в циферках своих копать, займись настоящим делом».

– Я говорю, «игрушка» у нас необычная, и интерес к ней может быть тоже необычный – повышенный, так сказать. Вы бы побеседовали с ним. Если его специально готовили, то он может знать больше, чем остальные «гринь». Чтоб их.

– Хорошо, если считаете нужным, – Си-Ай неопределённо пожал острыми плечами под белой рубашкой с коротким рукавом.

– Одна голова хорошо, две лучше.

Пи-Ти повелительно махнул рукой сержанту.

Через двадцать минут перед «столиком» поставили задержанного вчера Тень. На всякий случай руки задержанного были в наручниках, сзади стоял рядовой, вооружённый пистолетом.

– Принесите ему стул, – скомандовал Пи-Ти.

Тень осторожно сел, звякнув натёртой до блеска цепочкой.

Си-Ай с интересом разглядывал человека в наручниках, он впервые видел потенциального врага.

Его вообще-то мало интересовали человеческие судьбы. Мир цифр, мир эксперимента, научного опыта; мир несгибаемой логики, пробивающей себе путь сквозь непроницаемый хаос тьмы, которой представлялось ему агрессивное и неподатливое мироздание до того, как он осветит его своим рассудком. Вот где обитала душа Си-Ай.

Да что там, душа, вся его творческая натура была единым густком, кумулятивной струёй, направленной на подчинение дикого неприрученного хаоса и придания ему законопослушного характера и формульной кротости.

Родился Си-Ай в обыкновенной семье, проживающей в одной из стран Синего Безмолвия. Отец уже тогда принадлежал к Касте Жрецов, занимая в ней скромное место лаборанта второго разряда. Мать до его рождения работа-

ла в городской библиотеке, а после рождения первенца, то есть младенца по имени Си-Ай, добровольно согласилась стать домохозяйкой, с достоинством и степенностью исполняя роль любящей матери и жены.

Маленький городок, в котором проходило детство и юношество Си-Ай, хоть и насчитывал несколько десятков тысяч жителей, но гордился свой древней принадлежностью к Союзу Городов. О великом прошлом Союза напоминало хотя бы то, что при официальных встречах и церемониях Гонаци Синих территорий именовался не иначе как: Беспрекословный Монарх Синего Безмолвия, Суверен Союза Городов, Благородный Принцепс Лазурной Области, Тиран Объединенных Племян и Конунг Севера. И к вещему удовольствию горожан, его светлейшая особа любили посещать сей городок, отдыхая на местных приморских пейзажах и попивая знаменитые целебные воды.

Детство Си-Ай, настоящее, шальное и уличное, пролетело быстро и незаметно и без всякого переходного возраста, наверное, лет с восьми, шагнуло в кислый химический запах лаборатории отца.

Мальчик проводил здесь всё свободное время, затаив дыхание, наблюдая за непонятной, больше похожей на магию деятельностью людей в белых халатах. Он смешно морщил гладкий лобик, «анализируя» и «логически размышляя», пытаясь тем самым походить на своих кумиров, среди которых главным божеством был, конечно, его отец.

Как понимаете, дальнейшая судьба Си-Ай была предопределена.

Молодому учёному, только что закончившему престижный университет, сразу же крупно повезло: он попал в команду Эн-Би, стоящую, так сказать, на самом острие науки. Исследовательская работа известного ученого и его команды вызвала живейший интерес не только у широкой публики, а также была под пристальным вниманием высокопоставленных кругов государства, делавшим определённые ставки на конечные результаты данных научных изысканий. Следствием такого пристального внимания, было обильное, а порой щедрое финансирование и определённые льготы и преференции для всех участников команды алфизиков-теоретиков.

Ах, какое было прекрасное время! И вот однажды всё перевернулось. Мир раскололся. Государства затрещали по швам, и наружу полезли цветные нитки.

Синие вдруг заметили, что их благородный цвет перемешался с другими менее полноценными, отчего древнее благородство начало терять свой колер и чистоту. Первыми забили тревогу Избранные – душегубы всех рангов и мастей: «Мы теряемся на фоне остальных цветов, так недалеко до потери суверенитета и свободы!» Голос свыше с удовольствием подхватили душеприказчики – им было всё равно, что кричать, лишь бы только оставаться при своих регалиях и степенях с обязательной перспективой на рост. А когда

в воздухе пахнет жареным, значит жди обильного застолья и быстрого (как говаривали: «пьяного») продвижения по желанным степеням. Только успевай передвигать ногами и следить за бегущими рядом – могут упасть или наоборот подставить ножку. Душелюбы, а что душелюбы – тоже люди. Им по большому счёту нет никакой разницы, какими нитками шиты их штаны и куртки – тепло, комфортно, и то хорошо. «Что вы говорите: зелёные нитки гнилые, а белые быстро рвутся? Мне-то что от этого – пускай рвутся. О-о, я могу совсем остаться без штанов?! Вот это уже серьёзно. Да я вчера читал нечто подобное в прессе, да и наш любезный Гонаци возмущался поведением злосчастных ниток. Нет, совсем от них жилья нет! Долой все нитки, кроме синих!»

И началось. Зелёные возмутились: жизни от синих и белых нет. Мало того, что эти гадкие цвета заполонили всё вокруг, так они ещё пытаются наше святое древо, покрытое изумрудной листвой превратить в нежнейший салат и съесть, поливая своей белой сметаной на тарелочке с голубой каёмкой.

Белые молча вооружались, формируя дивизии и тщательно следя за белизной мундиров и воротничков у душеприказчиков.

Си-Ай было абсолютно начихать, какого цвета был у него воротничок, он не замечал его за рядами цифр, поглощённый миром, открываемым его взору за окулярами микроскопа. А зря!

Находясь в комнате, где идут малярные работы, нельзя не замараться. Тем более, когда маляры начинают в шутку или всерьёз махать своими кистями, стараясь нанести один другому жирные несмываемые мазки.

Так он со товарищи очутился на совсем незнакомой ему земле, где преобладал белый и только белый цвет. Белые дома, белые костюмы, белые машины и разметка на дорогах. И даже пудели в основном белые.

На какое-то время Си-Ай отвлёкся от своей алфизики и, тоскливо оглядываясь на прохожих, бесцельно бродил по улицам, шарахаясь от белых стен. Он не знал до сих пор, что жизнь, протекающая где-то в стороне от него, за окнами лаборатории, всё-таки протекала не без его участия.

Раньше он замечал людей как некую необходимость, помогающую ему решать те или иные житейские неурядицы. Например, прибраться дома и в лаборатории, доехать до места работы, подать кофе в уютном кафе на углу площади, из окон которого открывался великолепный вид на площадь, украшенную остроконечным храмом, ну и прочие бытовые мелочи. Но если раньше он не замечал людей, то, по крайней мере, был им благодарен, как бывают благодарны собачке, принёсшей хозяину домашние тапочки: скажут ласковое слово и потреплют за ушко. Теперь же – после переезда в «отбелённый» мир – он стал равнодушным.

Одна крайность толкнула его в другую. Лаборатория, научные эксперименты, занимавшие ранее почти все комнаты

в апартаментах головного мозга Си-Ай, теперь крепко и по-хозяйски поселились во всех комнатах. И даже в тех, куда они если и заглядывали прежде, то осторожно постучав в дверь и многократно извинившись.

Его полюбило руководство и представило в Совете Спиритус. Коллеги за глаза называли Си-Ай «сухарь», вкладывая в это слово глубокое уважение к его целеустремлённости, но ещё больше пренебрежительность, смешанную с некоторой долей язвительности. В общем, он бежал от людей, и они помогали в этом бегстве, кто лицемерной расчётливостью, кто незлобивым улюлюканьем и ответным равнодушием.

Так незаметно для себя он превратился в прецизионный инструмент, чьё предназначение направлялось ловкой рукой на только ей известные цели. Его бережно брали в руки: «Восхитительно! Какой прорыв сделала ваша команда. Вы гений! Bravo! Bravo! – И затем осторожно прикладывали к нужной гайке и завинчивали, – вы знаете, идет страшная война, в которой решаются судьбы мира («да что вы говорите?! – Си-Ай удивлённо приподнимал занавеску лаборатории и выглядывал на улицу. – Война? Где?»). Не могли бы мы употребить ваши научные изыскания на изобретение сверхоружия. – Душегуб-защитник сверкнул орлиными глазами. – Так сказать, во имя нашей победы, сохраняя жизни наших бедных солдат! Мы возлагаем большие надежды на вас. – Душегуб-защитник, блеснув большими звёзда-

ми на погонах, ткнул пальцем в лепной потолок его резиденции, тем самым показывая, какое большое значение он вкладывает в слово «мы».

Алфизики, принадлежащие к мирной Касте Жрецов, призадумались ненадолго. Теория, конечно, увлекает. Дискуссии на тему «Может быть так, а может и не быть так» распалывают страстную искру, доводящую до одержимости: доказать! Не зная другого огня, подобные ему греются фосфорическим теплом лабораторных фейерверком. И всё-таки применить теорию на практике, стать творцом того, что не делал до тебя никто, это заманчиво. Это страсть, сопоставимая с любовным жаром.

Душегубам из окружения Гонаци пришлось ждать недолго.

– Мы согласны внести лепту в общую победу. По нашим расчётам, получится сверхмощная бомба.

Глаза посвящённых, загорелись особенно ярко. По телу разлилось приятное тепло, кровь притекла к голове, ощущение блаженства, вызванное различными ассоциациями: сверхбомба – неограниченная власть; сверхбомба – бюджетное финансирование; роскошь; принадлежность к избранным мира сего с вытекающими отсюда последствиями – рай на земле.

Работа закипела. Деньги беспрепятственно (или почти беспрепятственно) потекли на исполнение заказов, проведение экспериментов и испытаний. Тысячи душелюб-рабо-

чих, душеприказчиков всех степеней, не догадываясь, включились в процесс создания бомбы, приобщаясь к тем благам, которые сопровождали её создание, словно свита короля.

Си-Ай был на седьмом небе – жизнь удалась. А здесь не так уж и плохо, – думал он, восседая на мягком кресле комфортного лимузина и всматриваясь на выкрашенные на бело улицы, пролетающие за окном. Он вспомнил своё детство, лабораторию отца, белые халаты. Си-Ай умиротворённо улыбнулся и откинулся на спинку, проваливаясь в роскошь.

Работа кипела. Кассы выдавали зарплаты и премии. Счета в банках обнулялись и снова заполнялись цифрами, служащие банков подобострастно приветствовали новых и старых клиентов, расширяя свои улыбки по мере того, как расширялись колонки цифр на личных счетах.

«Зал» не отрываясь, затаив дыхание, следил за «сценой». «Артисты» благодарно и привычно собирали Об-рок.

И вот он – апофеоз – два массивных толстяка, выкрашенных в зелёный цвет, доставлены на остров, где располагалась специально сформированная авиагруппа. Скрипя механизмами, закрылся бомболюк. Оружие возмездия готово нанести свой смертельный и неотразимый удар.

Си-Ай с интересом рассматривал пленника, облачённого в одежду мышинового цвета. Надо же – враг? Хотя последнюю догадку самоуверенного душеприказчика-защитника второй

степени ещё нужно подтвердить, – выглянула из своих просторных комнат логика.

С чего же начать? Куда проще общаться с атомами, чем с этими многосложными организмами, начиненными к тому же неуправляемыми чувствами, а некоторые вдобавок и интеллектом. А может, я усложняю картину – материя и в первом случае и во втором. Только в первом случае микро-материя, а тут... Ладно, приступим к эксперименту.

– Как вы попали сюда? – Си-Ай решил начать с самого каверзного вопроса, требующего подготовленного ответа.

– Мне трудно ответить, как я очутился здесь. И не потому, что я сохраняю в себе какую-то тайну. Нет. Всё происходящее со мной за последнее время больше похоже на сказку или на чью-то злую шутку, вымысел.

– Кто же это мог быть, кто так нехорошо пошутил над вами и забросил вас сюда, на закрытую авиабазу?

Боковым зрением Си-Ай ощутил укоряющий взгляд Пити. Он сказал что-то лишнее? – Си-Ай на мгновение смутился, – ну конечно, не нужно было упоминать о том, что авиабаза закрытая. Ну и ладно, дальше острова моя промашка не выйдет. Алфизик, проведя такой анализ ситуации, ожидающе посмотрел на пленника. Тот молчал.

– Что же вы молчите? Попасть на остров можно тремя способами: под водой, по воде и по воздуху. Вам нужно выбрать одно из трёх и назвать, каким способом или транспортным средством вы были доставлены сюда. Как видите, всё

очень просто.

– Да, всё очень просто, – Тень неопределённо пожал плечами. Просто, если сел в лодку...

– Так-так, – вырвалось из уст Пи-Ти, словно он хотел воскликнуть «эврика».

Теперь пришла пора укоризненного взгляда со стороны Си-Ай и вопросительного со стороны Тени. Пи-Ти быстро провел пальцами по лбу, как бы поправляя несуществующую чёлку.

– Продолжайте, – после небольшой задержки кивнул головой Си-Ай обращаясь к пленнику. – Вы сели в лодку?

– Нет, я не садился ни в лодку, ни в самолёт, ни ещё куда-нибудь. Я же не просто так упомянул сказку. Назовите это как хотите, на ваше усмотрение. Я пришёл сюда.

– Ну да, беззаботно шлёпая по воде босыми ногами, – Пи-Ти начинал выходить из себя. Он чувствовал, что его водят за нос. Пускай этот высоколобый слушает всякую белиберду, а он – командир авиасоединения, и на его плечах большая ответственность.

Пленник замолчал и доверчиво, почти по-детски взглянул на Пи-Ти: «вы не верите мне?» Пи-Ти снова поправил несуществующую чёлку.

– Давайте выслушаем, а потом будем делать выводы. Согласны? – Си-Ай посмотрел прямо в глаза душеприказчику-защитнику второй степени.

Чёрт бы вас всех побрал, – раздражённо чертыхнулся Пи-

Ти. Однако вслух, выдавил из себя подобие улыбки:

– Валяйте, Си-Ай, вам и карты в руки.

– Итак, продолжайте. Вы сказали, что пришли. Но оглянитесь вокруг, мы на острове, и если вы здравомыслящий человек, то должны понимать, что придти сюда невозможно, если только не шагать по дну, – Си-Ай развёл руками, подытоживая сказанное. – Правда, если покопаться в былинах или легендах некоторых народов, или если вам будет угодно – притчах, то можно найти сказочки о сверхлюдях, свободно перемещающихся по поверхности воды. Но, как понимаете, всему своё место, и сказкам в том числе. Мы же с вами реальные люди и сидим под реальным деревом и небом. – Си-Ай театрально поднял правую руку, раскрывая ладонь вверх. Он удовлетворённо отметил про себя, как «зал» оживлённо зашелестел, о-о – я собираю Об-рок.

– И всё-таки я пришёл.

– Вот так, ногами, – Си-Ай шутливо изобразил двумя пальцами идущего человека. – Г-м.

– Да вот так, ногами. Так же, как я вышел из разрушенного города, так же я пришёл и сюда. И только долины, леса, моря и острова проносились мимо меня, совершенно так же, как если бы они проносились за окном несущегося с бешеной скоростью поезда. Вы можете мне не верить, ваше право. Но я ни на шаг не отступил от истины. – Тень опустил голову.

Прекрасная речь, почему же «зал» остался безучастным?

Стоп! Он что-то говорил о разрушенном городе?! Не может этого быть?! Или совпадение? – Мысль Си-Ай привычно анализировала сказанное. – Так-так.

– Так-так, – повторил вслух Си-Ай, не замечая, как мысли нечаянно обрели звук его голоса.

Ещё не находя ответа на интересную задачу, он был на пути к её разрешению. Процесс начал поглощать всё его существо, доставляя непередаваемое удовольствие: я познаю, я открываю. Си-Ай поднял голову и обратился к Пи-Ти:

– Мы можем получить информацию о бомбардировках, осуществлённых союзниками по городам зелёных за последние сутки?

– Конечно. – Пи-Ти не спеша допил свой остывший кофе.

Ему давно хотелось уйти, размяться и не слышать эту бредятину. И в то же время он должен был сохранить достоинство командира крупного стратегического соединения и не казаться мальчиком на побегушках у какого-то там алфизика, пусть даже вхожего в Совет Спиритус. «Зал» по достоинству, хлопками, оценил тактический ход Пи-Ти.

Си-Ай провожал взглядом широкую спину Пи-Ти, продолжая решать увлекательную задачку. Он почувствовал себя сыщиком, идущим по следу. Так-так-так, до города г-м... часов полёта на бомбардировщике. Истребитель быстрее. Но всё равно. – Продолжая анализировать, он, как можно мягче, обратился к пленнику:

– Вы сказали, что вышли из разрушенного города. Что это

был за город, название можете сказать.

– Не могу. Не потому что не хочу, я был бы премного благодарен тому, кто раскрыл бы мне: где я нахожусь, и что со мной происходит. Всё, что я знаю о себе – меня назвали здесь Тень.

Си-Ай изучающее смотрел на Тень, пытаясь проникнуть в его мысли, так же, как он привык проникать в тайны микромира. Нет, задача пока не из посильных для него. Может быть, последствия взрыва? Шок, травма? Возможно. И всё-таки невозможно ни одним из известных ему транспортных средств так быстро добраться сюда с любой ближайшей территории, занятой зелёными. Добраться настолько быстро, чтобы при этом успеть понаблюдать разрушенный бомбардировкой город и встретить приземляющийся на острове бомбардировщик. – Уровень технологий противника был также хорошо известен Си-Ай. – Кто он!?

Что-то ещё ускользало от Си-Ай. Что-то, что сумел самостоятельно отметить и проанализировать его мозг, привыкший к сбору информации. Он в задумчивости тёр свой лоб, на время позабыв о собеседнике. – Конечно, вот, интуиция. Она подсказывала: присутствие того, кто называл себя Тенью, вызывает повышенное, болезненное внимание со стороны чёрного провала. У алфизика засосало под ложечкой, как тогда, когда они стояли перед открытием принципов взаимосвязи микрочастиц. Сладкое предчувствие перед незапертой дверью, за которой тебя ждут чудесные подарки. Он явствен-

но ощущал на себе взгляд тьмы, страстный, жаждущий и поглощающий. Си-Ай мог часами рассказывать о сложных физических законах, лежащих в основе мироздания, и он ничего не мог сказать об этом непроницаемом мраке, раскрывающем свою пасть у самых его ног.

Сам для себя он назвал его «чёрной дырой» – местом, притягивающим сильнейшим магнитом всё его существо и дарующим ему чувство полёта, ощущение своего Я как цельной и неделимой частички бытия.

В ней было что-то отталкивающее, пугающее своей хищной неумолимостью скрытого присутствия, с чем соглашаешься и от чего бежишь. Бежишь и тут же останавливаешься, наблюдая ужасную картину разрываемой плоти того, кто ещё недавно пасся рядом с тобой, мирно пощипывая травку. Вся твоя натура кричит: «Хватит!» – а глаза хотят ещё и ещё. Глаза? Им, а вернее, тому, кто сидит там, в непроницаемой темноте, вальяжно расположившись в кресле, хочется смотреть и смотреть, ощущая привкус соли и приятную дрожь во всём теле.

Кто он? В отношении которого «чёрная дыра» сохраняет настороженное безмолвие.

Каждый живущий на сцене жизни вольно и невольно собирает Об-рок. Кем бы он ни был: Гонаци, облачённый властью, или самый последний душелюб; посвящённый член Совета Спиритуса или простой прислужник – представитель Касты Служителей, все чувствуют незримую связь с алчу-

щим зрелищ «залом».

А как иначе – мы часть этого мира и живём по его законам. Мы дышим его воздухом и освещаемся лучезарными животворными лучами. Исчезнет мир, не будет и нас. А может наоборот? – Философские рассуждения Си-Ай споткнулись о новые реалии. В последнее время появились новые теории, заставляющие по-новому взглянуть на фундаментальные основы мира. Не желая вдаваться в жаркие дискуссии со своими далёкими оппонентами, Си-Ай отвлёкся и, настраивая резкость, вернулся к действительности.

– Значит, вы утверждаете, что просто пришли сюда, а окружающее вас пространство и время сжались и понеслись мимо с огромной скоростью? Я вас правильно понял?

– Да.

Такое неземное спокойствие и такая несвойственная живым открытость. Его вроде совсем не интересует Об-рок. Он где-то там, за или над «чёрной дырой», но никак ни здесь. И напряжённость полей зашкаливает на максимальной отметке, – Си-Ай повёл плечами, интуитивно ощущая обезличенный интерес ко всему, что было связано с Тенью.

Обезличенный?! Да-да, вот оно! Его Тьма, Тьма Си-Ай имела своё лицо. У неё не было форм и линий, но тем не менее она была персонифицирована. Имела... душу (Си-Ай не любил слово «душа». Какое-то оно ненаучное, «размазанное», – любил повторять он), – алфизик поморщился, но был вынужден согласиться, ибо не находил другого более точно-

го определения: – его душу. А в случае с Тенью Тьма вдруг размазывалась на множество «лиц», не теряя при этом своего единства. Толпа, – неожиданно для самого себя Си-Ай нашёл точное определение своим интуитивным ощущениям.

Беседа начала походить на какую-то интеллектуальную игру. За вопросом следовал быстрый ответ, затем долгая, задумчивая пауза. Си-Ай превращался в роденовского мыслителя, а Тень с нескрываемой тоской смотрел на свои наручники, стягивающие его запястья.

Под сень дерева шагнул Кэй-Ай, душеприказчик-защитник четвёртой степени, метеоролог авиагруппы.

– Вы не видели командира? Я подготовил материалы по вчерашней бомбардировке.

– Он ушёл в штаб. Вы разве не встретились там?

Алфизик, оторвавшись от увлекательных игр логики, взглянул на подошедшего. Затем быстро перевёл взгляд на Тень. И снова на душеприказчика-защитника четвёртой степени.

Со стороны могло показаться, что Си-Ай впервые увидел двух братьев-близнецов и очень был поражён удивительной схожестью, переводя взгляд с одного на другого.

– Что-то не так? – Кэй-ай посмотрел на себя, поправляя белую форму.

– Нет-нет, извините, задумался, – виновато улыбнулся алфизик. – Вы не можете оставить мне материал?

– Нет. Сами понимаете – субординация, устав. Я должен

передать его командиру, а уж он распоряжается им, как ему заблагорассудится. – Кэй-Ай развернулся и всё с тем же пустынно-отрешённым взглядом направился в сторону штаба.

В поведении метеоролога авиагруппы была заметна некоторая раздвоенность. Он походил на заскучавшего на уроке школьника, автоматически декламирующего зазубренный стих, а в душе со всей страстностью убегающего на школьный двор. К солнцу, в страну ребячьих игр.

Си-Ай проводил взглядом удаляющуюся спину Кэй-Ай. Они чем-то похожи. Но чем? Ну конечно! – взглядами. Или нет... Всё же есть определённая схожесть. В чём же она заключается. В отрешённости... Да, наверное, так. Хотя... взгляд Тени скорее отрешённо-участвующий, а вот взгляд метеоролога высушенный и отрешённо-безучастный.

– Вы знаете, за вами тянется столько безответных вопросов, – алфизик повернулся к Тени, – что, даже если бы я захотел, я не мог бы вас отпустить. Сами понимаете: идёт война, а у неё свои законы.

– Мне нужно идти. Я не знаю, о какой войне вы говорите.

– Сейчас сержант принесёт то, что вы просили, – к ним подошёл командир авиасоединения. В его руках была та самая папка, которую, только что держал Кэй-Ай. – А вот и материалы о вчерашней бомбардировке.

– А-а, метеоролог, он нашёл вас. Станный он. У него не было контузии? – нетерпелево перехватывая папку из рук командира, поинтересовался Си-Эй.

– Он и раньше был несколько замкнутым человеком. А после увиденного вчера размяк и распустил нюни. Ах, целый город одним махом! – Пи-Ти попытался изобразить полюбощую нервную дамочку.

Си-Ай начал с интересом рассматривать фотографии и столбцы цифр – показания, снятые с приборов.

– Ну, а как ваша миленькая беседа? Плодотворна? Или мы по-прежнему беззаботно бегаем по воде. – Пи-Ти задорно засмеялся над собственной шуткой. Голова посветлела после чашечки кофе, и он снова чувствовал себя на высоте – командир стратегического авиасоединения.

Пи-Ти радушно раскланивался, благодаря за Об-рок.

– Что, – не отрываясь от материала, – тихо прошелестел Си-Ай. – Да вы знаете, кое-что проясняется, но нужно задержаться до уточнения некоторых деталей.

– Я и не собирался его отпускать. Какая-то серая личность. Ни то, ни сё. И вашим и нашим. Нет, посидит чуток и расскажет. Да и, в конце концов, пусть им занимается контрразведка. Это их Об-рок. Так я и сделаю и не буду морочить себе голову.

– Разрешите, я задам ещё один вопрос.

– Валяйте, – Пи-Ти сделал жест рукой, мол, делайте что хотите, только меня не вплетайте в вашу глупую историю.

Си-Ай поблагодарил командира кивком головы и протянул в сторону пленника свежую, отливающую глянец фотографию.

– Узнаёте? Похож на тот, виденный вами разрушенный город?

Тень долго всматривался в фотографию. Все замерли, ожидающе глядя на него. Наконец Тень оторвал свой взгляд от снимка и, посмотрев на всех, утвердительно покачал головой.

– Да. Мне можно идти?

Сначала никто не обратил внимания на настойчивую просьбу, исходящую от пленника. Тогда Тень повторил громче и настойчивей:

– Я не могу здесь оставаться. Мне нужно идти. Я честно ответил на все ваши вопросы.

– Идите, – машинально, и, скорее всего, следуя своей натуре, шутливым тоном произнёс Пи-Ти, поражённый тем фактом, что сидящий перед ним человек мог видеть разрушенный город и одновременно сидеть перед ним.

Тому, что произошло затем, никто из присутствующих не мог впоследствии дать толкового и вразумительного объяснения.

– Спасибо.

Тень поднялся. Сержант, напряжённо положив руку на кобуру, шагнул к задержанному с явным намерением вдавить его обратно в стул.

Душеприказчик-защитник и алфизик быстро переглянулись и вперили свои взоры в человека, воспринимающего всё буквально и не признающего условностей этого мира.

Сержант властно ухватился за плечо пленника. Тот обернулся, улыбнулся и, отдернув плечо, шагнул... В следующее мгновение его образ размазался, теряя свою объёмность и плотность. Рука сержанта-душелюба провалилась в пустоту, заставляя его инстинктивно, в страхе, отпрянуть и остолбенеть, удерживая эту руку, словно её поразил удар током или укус змеи.

Мозг Си-Ай, привыкший запоминать всё с фотографической точностью, запечатлел, как рука бедняги-сержанта скользнула сквозь рассыпающуюся, исчезающую материю. По его запястью скользнуло тёмное контрастное пятно, как будто живой человек шагнул чуть-чуть вперёд, навстречу сильнейшему источнику света, а на его месте очутилась его тень. Человек шагнул ещё дальше. Тень поблекла и растворилась в окружающем пространстве. Мозг Си-Ай запечатлел и лицо Пи-Ти: отвисшая челюсть, в глазах ужас перед неизвестным и неуправляемым.

Немая сцена и торжествующая Тьма, будто в неё закачали адреналин, и она теперь выплёскивала его бурными овациями, щедро раздаривая своим любимцам целые букеты Оброка.

Часть 2

«Страсти потихоньку утихли, заваленные кипами „дел“ в секретных отделах спецслужб бело-синих. Удовлетворённые зрители, негромко переговариваясь и покашливая, расселись по своим местам и приготовились дальше поглощать сценические изыски и деликатесы, приготовленные невидимым режиссёром и исполненные актерами. Они не отрываясь следили за каждым действием, словом и шагом на освещённом пространстве, даже не подозревая о скрытой титанической работе. Копещащая армия служащих невидимо и неслышно исполняла свою работу в узких пространствах трюма (помещения под сценой) и за кулисами. Они приводили в движение скрытые механизмы, они властвовали во мраке, ловко снуг между зрительскими рядами, расаживая, раздавая программки, всем своим видом приготавливая к пиршеству».

Перо тихо упало на мягкий зелёный бархат, которым была обшита столешница богато инкрустированного золотом стола. Тень устало откинувшись на высокую спинку кресла. Кожа кресла приятно скрипнула под своим хозяином, услужливо принимая форму его тела.

С тех пор, как он покинул авиабазу 509-ой специальной авиагруппы на затерянном где-то на просторах океана острове, минуло много, много лет.

Тень изменился. Он изменился внешне, превратившись в солидного мужчину с посеребрёнными висками, занимающего высокое положение в обществе. Изменился ли он внутренне? И да, и нет. Он уже не метался, как ополоумевший по сцене между реквизитом и актёрами, каждый шаг его приобрёл степенность и был продуман и рассчитан заранее. Да и само положение, высокий пост обязывали вести себя сдержанно, деловито, а порой высокопарно и даже высокомерно. Он соглашался с таким положением вещей, следуя старой поговорке: «В чужой монастырь...» – соглашался, как турист, заходящий в чужой храм, – уважительно, оставаясь при этом приверженцем своей веры.

Он вздыхал, примеряя перед зеркалом торжественные смокинги и читая протоколы встреч. Вздыхал потому, что в тщательно скрываемых глубинах его души жил тот испуганный мечущийся чужак, вззирающий на мир глазами новорождённого. Он безропотно соглашался с фактом своего появления-рождения, по-младенчески проникновенно и в то же время отстранённо вглядываясь в новые лица, не понимая и прощая им.

До сих пор он не раскрыл тайны своего проникновения в этот декоративно-хрупкий искусственный мир. Но многое знает о самом мире. О его законах, базисах и надстройках. Много ли?.. – Тень посмотрел за окно. Там широко раскинулась красивая площадь, покрытая стёртым (и не раз отреставрированным) тёсаным камнем. По периметру, пере-

межаясь с разноцветными флагами, росли ровными рядами стройные деревца, чья природа была вся во власти садовника. – Вся ли?.. – За деревьями прятались прекрасные здания, шедевры архитектурной мысли: напыщенные дворцы; гордые залы для приема гостей; строгие хранилища, в недрах которых сохранялись неприкосновенные реликвии и символы; остроконечные, похожие на иглы протыкающие и накалывающие небо, храмы Совета Спиритуса, храмы Красного Культа, храмы Красного Искуса и храмы Красной Алфизики.

Сама площадь находилась внутри закрытой территории резиденции Красного Диктатора, Неограниченного Вождя Южного Союза, Верховного Узурпатора Объединенных Территорий – правителя одной четвёртой части известного мира называемой Красные Берега.

Кроме Красных Берегов, существовали также: Нефритовые Долины, Белые Просторы и Синие Небеса. И каждая из этих частей занимала свою, строго оговариваемую многочисленными договорами и соглашениями часть «сцены».

Почему возникло такое, глупое на первый взгляд, деление и когда это произошло? – Тень зевнул, блаженно прикрывая глаза, – история, конечно, может ответить на поставленный вопрос. Более того, она может предоставить неоспоримые на первый взгляд факты и артефакты. – Тень поднял руки и потянулся. – Нужно отдохнуть – притомился... Может, всё может, да вот закавыка: история пишется на этих самых подмостках, где даже сам свет изменчив, не говоря

уже об участниках спектакля, греющихся в его лучах. А он (свет), знай себе, меняет стеклышки: о какой чудесный красный! ах, изумительно зелёный! целомудренно белый! небесно-синий! Играется: а если вот так... а дай-ка смешаю. Что история – декорации, реплики, как и всё, что служит здесь эпизодам и мезансценам под названием «жизнь». Все видят актёров-людей и никто не видит работников сцены – декораторов, осветителей. История может подробно объяснить, как работает фурка (приспособление для передвижения декораций) или телария (приспособление для смены декораций), но ничего не скажет, что руководило теми, кто управляет ими – незаметными служащими театра. Какие страсти и мысли обуревали их в ту или иную секунду.

История – наука глаз и ушей. Их продолжение сквозь время, душевные переживания, предпочтения и неприязнь не способствуют её объективности. История – своеобразный театральный бинокль, рассматривающий из настоящего далёкое прошлое. Что он увидит? Царапинку, пылинку на линзе?

Тень встал и прошёлся по просторному кабинету, разминая затёкшие руки и ноги. Покачавшись с пятки на носок, подошёл к высокому арочному окну.

До сих пор он не знает тайну своего появления здесь.

До сих пор он не может поверить, что всё обозреваемое им: бескрайние просторы, огромные города и мириады людей – театр! Какой же это театр, возмущался его разум.

Театр, театр, – старчески скрипел добродушный Цивилиус. И он соглашался, задумчиво подперев руками голову перед пустой суфлёрской будочкой.

Прошло много лет, пора бы ему превратиться в старого театрала, умеющего ловко добывать контрамарки, знающего все служебные входы, другие потайные лазы, ведущие к гримёрным и кабинетам. Но всё, что он успел за свою долгую жизнь здесь, так это близко познакомиться с милым разговорчивым суфлером. Актёры-люди? Только те, что он видит на сцене. До сих пор остаётся загадкой за семью печатями та незримая духовная связь, существующая между актёрами и Великой Тьмой «зрительного зала», в которой обитает (по умозаключениям, составленным из крупиц информации, случайно соскользнувших с уст Цивилиуса) всемогущий Триумвират.

Много или мало для седеющего мужчины? Хм, – Тень взглянул в окно.

По мощёным мостовым сновали важные пурпурные накидки душегубов, накрахмаленно строгие красные рубашки душеприказчиков, вечно согбенные оранжевые куртки душелюбов. Они все куда-то стремились, и с высоты его властных этажей можно было себе представить, что стремились, движимые одной общей идеей. Наверное, так оно и есть, – потешил своё тщеславие Тень и тут же опустил себя на землю, – гордец – всё, чему ты научился здесь – высокое и неприступное самомнение. Они бегут, подгоняемые одним

только Об-роком. Вот та, по настоящему движущая сила, заставляющая вскакивать их с постелей и бежать, сталкиваясь друг с другом, участвуя в этом удивительном спектакле.

– Размышляешь.

Тень быстро обернулся. – Ну, конечно же – Цивилиус. А кто же ещё, кроме него, может вот так беспрепятственно проникнуть в святая святых – резиденцию правителя.

– Да.

– Не устал?

– От чего, – не понял последнего вопроса Тень.

– Познавать.

– А разве можно устать – процесс-то бесконечный.

– Вот оттого-то и изнурительный, что бесконечный. Получается, как бы бесцельный.

– Ты можешь предложить компромиссный вариант? – Тень давно уже знал своего безликого собеседника. Контрвопросы заводили и так разговорчивого «старика», вынуждая нечаянно проговариваться, выдавая загадки и ребусы театральной жизни.

Хотя, если быть справедливым, Цивилиус умел хранить тайны. Тень даже подозревал, что «утечка» происходит умышленно, тем самым подталкивая его к каким-то действиям.

– Компромисс познанию? – покой.

– Что-то я тебя не пойму, дружище. По-твоему получается, что нужно сложить руки, уподобиться каменному извая-

нию и жить, взирая немигающими глазами на пробегающее мимо время?

– Вот общаюсь с тобой и задаю себе вопрос: другие на «сцене» такие же, как и ты, или всё-таки получше?

– Что значит «лучше» или похуже? – обиделся Тень.

– Прости, не хотел тебя обижать. Я ведь не слышу остальных участников действия.

– Как же ты их не слышишь, если они озвучивают твои подсказки.

– Не мои, хотя и то верно. Странно, тебя-то нет в сценарии, но я как будто слышу собственное эхо. Забавно. Крикнешь, а в тебе с небольшой задержкой откликается. Голос словно где-то остановился, поразмышлял и вернулся. Тебя нет в сценарии, прекрасно, мы будем импровизировать. Тебя убили, чудненько, чудненько, твоя тень ещё послужит нам.

– Чего-о!?

– Так и о чём же ты размышлял? – прохрипел Цивилиус (Тень представил себе, как он устраивается поудобнее, приготовившись слушать). Уж не о вопросах ли мироустройства. Можешь не отвечать. Я знаю, в твоём случае ответ будет утвердительным.

– В моём?

– Остальных беспокоит только Об-рок.

Нет, он точно читает мои мысли, – смутился Тень – ему не очень-то хотелось, чтобы кто-то без разрешения вламывался в его покои и рылся в личных вещах. И не потому, что

они был сильно захламлены. Нет – должно же быть такое место, где можешь остаться один на один с собой.

– У тебя возникает вполне резонный второй вопрос: откуда я узнал твои мысли? При условии, что я их всё-таки угадал. Тень, Тень, мы столько знаем друг друга, пора бы уже понять: я не познаю мир, я его часть. А от самого себя секретов быть не может. Ты потому мне и интересен, что не похож на остальных, марионеточно вздёргивающих руки и восклицających: «быть или не быть...» ну конечно же – быть! Быть на этой сцене, ты же не покидаешь её. Более того, ты всеми силами цепляешься за её поверхность, порой сдирая кожу с рук и оставляя кровавые следы. Удивительное сценотверждение себя, любимого, до самоуничтожения!

Старик замолчал на высокой ноте, переводя дыхание.

– Ты угадал наполовину, Цивилиус, – вклинился в паузу Тень, зная словоохотливость своего друга. – Я тоже задаю себе этот сакраментальный вопрос.

– Задаёшь, конечно, задаёшь. Но, надеюсь, с другим подтекстом. Ведь большинство интересуется, насколько хорошо их alter ego уживается среди остальных малосущественных деталей. Насколько ему комфортно и безопасно. И никто не спросит, насколько этим малозначащим деталям удобно рядом с нами. Вот почему все на «сцене» живут Об-роком. И если кто-нибудь ответит тебе, что Об-рок безразличен ему и он готов на самопожертвование, спроси его: на самопожертвование во имя себя, во всех проекциях: в прошлом,

в настоящем и будущем? Посмотри, как они ведут себя в светозарных лучах. Как горят их глаза, слова наполняются высокой патетикой, а руки полётом. Меняется не только тембр голоса, внутреннее содержание приобретает новые формы. Их плоть всего лишь одежда, антураж. Её с удовольствием примеряют, вертясь перед молчаливым зеркалом, и так же легко и с радостью расстаются с ней в ожидании новых увеселений и утех. И только то, что скрывает ткань, остаётся неприкосновенным. А именно оно является сутью каждого живущего под лучезарными лучами. Оно бесплотно, его даже трудно назвать призраком или фантомом. Так – нечто. Но это нечто и заставляет всех двигаться, дышать, цепляться, страстно желать и чувствовать. Как ветер наполняет занавески жизнью, так и оно – нечто – наполняет глаза трепетной искрой, вскидывает руки в немом вопросе или властном жесте и наполняет слово звуками.

Старик замолчал. Сохранял молчание и Тень. Между ними давно установился негласный договор, по которому Цивилиус был словоохотлив, а Тень, наоборот, – благодарный слушатель. И обоих до сих пор устраивал каждый пункт данного договора – в нём не было взаимоуступок и скрытое преследование личных интересов.

– Ты страшишься мрака у твоих ног? Ты боишься оступить и упасть, поглощаясь его чёрной бездонностью? Верно?

Вопрос, заданный Цивилиусом, застал врасплох Тень. Он

ожидал продолжения и уже приготовился слушать, по привычке улавливая полунамёки между строк. А тут его взяли за руку и вывели на освещённую середину.

– Страшусь ли я? – с трудом подбирая слова начал Тень, переплетая у груди пальцы рук, и в следующее мгновение, будто делая вдох, перед тем как нырнуть, быстро произнёс, – да страшусь, Цивилиус. Страшусь её – безвестности.

– То есть – смерти?

– Смерти? Ты же знаешь, Цивилиус, я вроде как умер. Там. Нет, не смерти я боюсь, тем более ты сам говорил: смерть всего лишь одна из форм бытия.

– Говорил. Значит, тебя страшит небытие.

– Да. Во мраке незримо присутствует отрицание моей сущности. Я бы даже сказал – сути. Другие вокруг меня имеют некую незримую связь с Тьмой. И связь эта обоюдна и желанна. Они все живут мраком и тянутся к нему, как тянутся щенки в поисках кормящего их соска. А меня ничто не связывает с ним. И Тьма для моего рассудка подобна безжизненной высохшей пустыне, где ожидает неминуемая жажда и гибель. Я знаю, что мрак скрывает от меня. Вернее было бы сказать: догадываюсь. Я смутно, но помню тот первый миг моего появления здесь. Я стою на границе мрака и света. И вижу неясные тени, сидящие в креслах. Неустанные двери, пропускающие входящих... – Тень остановился посредине кабинета. Он всегда, когда размышлял или находился в сильном волнении, ходил по кабинету. – Да-да, тени, похо-

жие на людей, – он взглянул на пустую суфлёрскую будочку, будто хотел сказать: ну подскажи, помоги.

Суфлёр молчал.

– Меня нет в сценарии, а они все – есть, – с горечью произнёс Тень. – Есть некий смысл.

– Ну-ну, не прибедняйся. Судя по пурпурной накидке на твоих плечах, ты нашёл себя здесь и довольно-таки неплохо устроился. Побольше оптимизма, мой друг.

– Плащ, говоришь? Плащ, лишь знак моего особого положения, больше похожего на положение монаха-пустынника, неожиданно оказавшегося в самой гуще городской толпы. Из тишины размышлений и духовных поисков, отрицающих всякую чувственность, вдруг оказаться среди многоголосой, кипящей страстями толчеи. Невольно все обратят внимание. Кто-то, чертыхаясь: чего, мол, встал. Кто-то, незлобно усмехаясь: чудак человек. А кто-то, крутя пальцем у виска. Но заметят все. А ты стоишь и смотришь на них глазами младенца, только что соприкасающегося с проникновенной и необъятной вселенной. Глазами, умеющими заглядывать в самую душу и читать в ней, как в открытой книге. Мне просто повезло. Я оказался среди людей, устремленных к одной общей цели. Меня подхватило течением жизни и, словно песчинку, вытолкнуло наверх.

– Течение унеслось, а ты остался.

– Течение подчиняется берегам и дну. Песчинка хоть и стирается о камни, не меняет своей природы. Я по-преж-

нему в течении и, по-прежнему – песчинка, не растворившаяся в нём.

– Ты начал уставать от жизни – философствуешь, – саркастически улыбнулся в седую шелковистую бороду Цивилиус.

– Да, я начал уставать от жизни. Сначала мне нравилось бежать со всеми. Я был восхищён духовным порывом бегущих. Мне казалось, ещё мгновение – и озарённые высокой идеей люди хлынут вниз, во мрак и разбудят, осветят его своим горящим сердцем.

– Так-так, интересно. А они неожиданно замерли в нерешительности у самого края, не решаясь шагнуть дальше, – Цивилиус (Тень представил себе эту картинку) самодовольно потирал сморщенные руки, как бы говоря: а я говорил вам, говорил! – Ты устал не оттого, что бежал. Тебя кольнула мысль: куда бежим и зачем? Ты оглянулся. Кругом синие задыхающиеся лица. Локти. Жажда быть первым. И где тот товарищеский задор на старте, когда все ещё вместе. Дистанция раскрывает характеры и расставляет всех по своим местам. Сильные и выносливые впереди. Хитрые и умные за ними. Слабых волокут, чертыхаясь, или бросают на обочине – в зависимости от необходимости их присутствия на финише.

Когда мы с тобой познакомились, ты был невинным младенцем. Зачатый роком, принятый на руки добродушной судьбой. В твоём лице я обрёл не просто ещё одно действующее лицо, лицемерно внимательное и приторно услужли-

вое; я обрёл друга. Часы на фронто́не над парадным входом начертили в небе магические круги и увлекли за собой младенца. И он доверчиво пошёл, слушая в дороге небылицы и рассказы о всемогуществе милующего и карающего царя, о парящей словно лебедь царице, о их славной дочери – неуёмной цесаревне – и о великих богатырях, числом двенадцать, восседающих за круглым столом и справедливо управляющих благодарным народом. Так за разговорами младенец не заметил, как выросло и окрепло его тело. Он возмужал и забыл младенческие радужные сны. Царь хлопнул в ладоши, часовой механизм щёлкнул, раздался мелодичный бой звонкой меди. Вслед за царём поднялась царица и, обойдя вокруг стола, замерла возле своего властителя. Рядом радостно запрыгала цесаревна: пир, пир, пир! Богатыри преобразились. Двери раскрылись настежь, и внутрь ворвалась ветреная разноцветная свита шутов и шутих, гусяров и дудочников. Всё закружилось и понеслось в весёлой и разудалой пляске. Время пира! Бедный младенец – забыт, брошен как ненужная и старая кукла.

Цивилиус вздохнул, упирая старческие руки в колени и качая головой.

Тень ждал продолжения, но его не последовало.

– Ты хотел сказать... Цивилиус!

Суфлёрская будочка по обыкновению была пуста. На столе мелодично звенел телефон внутренней связи. Тень раздосадованно подошёл к столу и снял трубку. По опыту он знал:

Цивилиус не будет сорить словами почём зря.

– Тень слушает, – выдохнул он свою досаду в трубку.

На другом конце провода знакомый голос его секретаря сообщил ему:

– Извините, если помешал вам, но вас просил зайти Эф-Кэй. Он у себя в кабинете.

– Спасибо. Иду.

Тень мягко положил трубку. Субординация, правила, чтоб их... – раздражение не покидало его. – Раньше он просто зашёл бы ко мне, обнял и, развалившись в кресле и выпуская в воздух сизый сигарный дым, приятельским тоном произнёс бы: «Послушай, старина...» То было раньше, а теперь мы – признанные всеми Красные Берега, а он Гонаци.

Что же хотел сказать мне Цивилиус, – Тень потёр ладонью лоб, – царь, часы, младенец. Ахинея какая-то, на первый взгляд. Что он хотел сказать?

Взяв папку с бумагами, он вышел в коридор и, неслышно ступая по мягкому ковру, направился к лестнице. Нужно было подняться на четвёртый этаж дворца.

Время ставило новые задачи. Никак не думал, что после победы задачи многократно усложнятся, – Эф-Кэй откинулся на спинку дивана, заложив руки за голову.

Диван стоял на балконе, прикрытый от жаркого светила матерчатым козырьком. Вдалеке, прячась за полупрозрачной пеленой, над крышами домов плавилось море.

Море, оно было таким же и много лет назад, когда мы, молодые и задорные, увлечённые великой идеей, шагнули на этот берег и перекроили его историю. Какие были прекрасные времена, – Эф-Кэй глубоко вздохнул. – Мы были похожи на детей. Не задумывались о дне завтрашнем, не беспокоились, как мы выйдем в глазах остальных. Более того, мы несли им свободу. Несли, не требуя ничего взамен. Даруя.

Эф-Кэй затаился и, как бы соглашаясь с чем-то, покачивая головой, выпустил сизое облачко дыма, напуская густой туман на далёкие горизонты.

В прошлом. Всё когда-нибудь становится «в прошлом». Мы достигли берега своей мечты. Мы подняли флаг свободы. В прошлом. – Эф-Кэй поднёс к лицу листы бумаги, заполненные ровным печатным шрифтом, и снова пробежал по тексту. Затем затаился и с силой, сложив губы дудочкой, выдохнул. Листы зашелестели, растворяясь в голубоватом тумане. Туман подхватил буквы и закачал их в воздухе подобно набухающим каплям, вот-вот готовым сорваться на землю. – Нас втянула воронка времени и поглотила со всеми потрохами. – Эф-Кэй тяжёлым взглядом посмотрел поверх листов прямо в лицо Тьмы, – раньше мы не замечали её... Или делали вид, что не замечаем? А теперь? Теперь она неотступно преследует нас. Харизма. Будь она проклята! Им нужен не лидер, им нужна харизма. Не я, а они слепили меня по своему образу и подобию.

Мягкой трелью ожил телефон.

– К вам Тень.

– Что за чертовщина, пусть входит.

– Я подумал... – секретарь был явно смущён и озадачен.

Трубка жалобно клацнула, её пластмассовая душа была возмущена таким неаккуратным обращением.

– Серый, что за шутки! Я же позвал тебя. К чему эти протоколы. – Обнимая и громко приветствуя друга, улыбнулся Эф-Кэй. Его могучий баритон, привыкший к многотысячным площадям, заполнил просторный кабинет, пытаясь вырваться наружу.

– Мы сами создавали...

– К чёрту! К чёрту, слышишь, к чёрту! Пусть все эти правила идут ко всем чертям, когда встречаются друзья!

– Не замечаешь некоторой двуликости?

Эф-Кэй замер на мгновение, всё ещё держа Тень за плечи. Их глаза встретились. Эф-Кэй ободряюще похлопал Тень и кивком головы молча пригласил на балкон.

Они сидели и, попивая кофе из маленьких чашечек, обсуждали вопросы дня сегодняшнего.

– Как ты думаешь, Серый (Серый – это прозвище, данное Тени соратниками Эф-Кэй в те незабываемые годы горячей юности), они меняют курс или покидают тонущий корабль?

– В любом случае, Борода, (прозвище, данное товарищами Эф-Кэй за его бороду. Так за глаза называли его все. Но только друзья могли себе позволить в узком кругу назы-

вать его по прозвищу), меняют они курс или тонут, мы остаёмся без сильного союзника. Я думаю, нам необходимо подумать о собственной безопасности в новых реалиях.

– Как всё это надоело, Серый! Вся эта подковёрная возня.

– Не забывай: ты Гонаци – руководитель и лидер своего народа. И хочешь ты того или не хочешь, но живём мы с тобой в этом многоцветном мире.

– А как хочется, чтобы он был одного цвета – красный и баста! – Эф-Кэй резанул воздух ладонью.

– Он такой, какой есть. Надо только перестать играть, смешивая цвета.

– Легко сказать. Вот и наши союзники принялись перекрашивать свои знамёна. Их уже не устраивает красный, теперь им подавай синий, белый. Ах, союзнички... чтоб их! – Раскалённый кончик сигары метнулся сверху вниз наподобие разящего лезвия палаша.

– Ну-ну, Борода, не забывай – мы тоже в своё время перекрашивали. Кстати, ты не собираешься бросать курить. Врачи обеспокоены. Твои лёгкие...

Эф-Кэй махнул рукой, как будто хотел сказать: «Ах, не трогайте меня».

– Не сравнивай! Мы несли высокую идею, идею всеобщей свободы! А эти, побросав амуницию и оружие, ударились в бегство, не выдержав трудностей дальнего похода. Им, видите ли, захотелось комфорта и неги. И они решили вернуться под бабскую юбку, примерять цацки и нежиться в пухо-

вых постелях. Это предательство! Предательство отцов, их наследия.

– И восстановление справедливости по отношению к прадедам. Борода, не суди. По-моему, мы все потерялись, роясь в разноцветном тряпье. Я только частенько задаю себе вопрос: кто нам его подбрасывает?

– Да пора бросить, – Эф-Кэй с сожалением посмотрел на сигару.

Тень поднялся и мягкими шагами подошёл к ограждению балкона.

Эф-Кэй насупившись посмотрел на его спину, укрытую пурпурным плащом. Что-то подсказывало ему: Тень прав. Чёрт подери, тысячу раз прав. Мы несли идею. Дух. А ему не нужны одеяния. Он не боится замёрзнуть. Ложная скромность, стеснение остаться нагишом? Дух бесплотен. Ему, духу, чужды угрызения совести, потому что он сам и есть совесть. Мы несли на своих плечах идею, а донесли разряженную куклу. – Эф-Кэй наклонился и стряхнул в пепельницу пепел.

– Что же ты предлагаешь, Тень?

– Если бы я знал, Гонаци? Если бы я знал, – не оборачиваясь, задумчиво произнёс Тень. На ярком пурпуре, прикрывающем плечи, появились лёгкие складки сомнения.

Тень повернулся, их взгляды снова пересеклись.

Память сразу унесла Эф-Кэй в те недавние и сладкие для воспоминаний годы. У него остались те же глаза, – подумал

Эф-Кэй, – искренние, проникновенные и... неземные.

Тогда с группой товарищей они спрыгнули на песчаный пляж. На мелком песке стоял одетый в странную серого цвета курточку и такого же цвета короткие штаны человек и внимательно следил за их высадкой.

Они окружили его. Кто-то высказал идею обезвредить ненужного свидетеля. Борода подошёл к человеку в сером и начал в упор рассматривать его, решая одновременно и судьбу незнакомца. Тот поднял голову и взглянул на подошедшего. Борода вздрогнул. Он увидел глаза младенца, принадлежащие взрослому мужчине. В них не было ни липкого страха, ни цепляющегося любопытства, ни шального озорства, ни всепоглощающей жажды. Окно в мир покоя. Он заглянул в него и поверил. Поверил даже больше, чем своим старым проверенным временем и кровью товарищам.

«Ты кто?» «Я – Тень». «Пойдёшь с нами, Тень, или нет, лучше – Серый?» «Куда?» «В светлое будущее». «В светлое? Пойду! Почему Серый?» «А у нас так принято. Я, например, Борода, хотя моё настоящее имя Эф-Кэй-Эй-Ар, – он погладил свою, тогда чёрную, как смоль бороду». «Здесь всё окрашивают. Возможно, из-за светила – оно тоже меняется. Вот сейчас оно переливается. То белое, то красное. Неуловимая игра». Борода попытался посмотреть на светило. Лучи больно резанули по глазам, и он на какое-то время ослеп, часто моргая и удивляясь: «Как он смотрит?»

Так начинался их совместный путь по дорогам боевой

и прочей славы. С того исторического момента они всегда вместе. Только один всегда на виду – трибун, а другой в стороне, в тени. Он мудрый советник и преданный друг.

Из тех, кто начинал с ним свой путь от золотых песков, близких по духу остались единицы. Да и те заматерели и стали походить на важных землевладельцев во время обхода своих владений. Подсыревший порох, – с горечью думал Эф-Кэй. Другие бросились вслед за убегающей за горизонт за си-некурой, и там сгнули. А он всегда рядом. Всё такой же: скромный в желаниях и требовательный к тому, что делает. Принимая пурпурный плащ – знак высшего сановника – только и произнёс: «Зачем?»

Эф-Кэй оторвался от своих воспоминаний. Ему захотелось поддержать своего друга. Он широко улыбнулся, как мог улыбаться только он (странно, раньше он улыбался, не замечая этого, теперь он знал обаяние своей улыбки и частенько пользовался ею):

– Ничего, Серый, прорвёмся! Не впервой нам идти, подставляя грудь под шальные пули.

Губы Тени дёрнулись и замерли в точности как на полотне знаменитого художника эпохи Возрождения.

– Ну что ж, давай подумаем, как нам это с тобой сделать.

И всё-таки в его глазах появилась усталость, – пожалел своего друга Эф-Кэй. – А возможно и разочарование, – больно кольнуло самолюбие Гонаци.

– Бросимся сломя голову на штыки, как тогда, в молодом-

сти. Э-эх!

– Э-эх, не получится.

– Это почему же не получится?

– Тогда за плечами был ветер и в лицо дул ветер. А теперь за плечами слава и обязанности, над головой гордые стяги, впереди... а впереди пропасть.

Эф-Кэй покосился на бездонный провал сцены. Когда-то он бесшабашно шёл по его краю, не замечая опасной кромки.

Не замечая? Как взгляд девушки, её тонкий стан притягивает молодость, так и Тьма тянула его к себе. Тянула всегда. Сколько он помнил себя. Он ощущал сладкое напряжение полей между собой и кем-то невидимым за чёрной чадрой. Напряжение, которое хотелось испытывать вновь и вновь. И ради которого он, оказывается, жил.

Эф-Кэй сладко потянулся, представив тонкую девичью фигуру. Давненько ко мне не заходил Эй-Джи, – неожиданно мелькнула в голове навязчивая мысль. – Эф-Кэй внутренне вздрогнул и покосился на Тень. Ему иногда казалось, что Тень всемогущ и может читать его мысли.

Убедившись, что тайна мысли сохранена, он откинулся на спинку дивана.

В какой-то миг, окрылённый идеей свободы и всеобщего счастья, увлекая за собой людей, и с радостью ощущая как тысячи рук возносят его над пропастью. И... Тьма пропала. Блеснул свет, о какой это был свет!.. Иной, другой – он не на-

ходил слов сравнения. Что же отдёрнуло его тогда? Что заставило вздрогнуть и увидеть смертельную пропасть под собой? Предательские руки?.. Миг рассыпался на множество цветных колющихся осколков...

– Ты слушаешь меня, Борода? – вопросительные глаза Тени глядели на него.

– Да.

– А мне показалось, что ты где-то далеко-далеко. Так вот, – после небольшой паузы продолжил Тень излагать свою точку зрения на происходящие политические события в мире. – Синие Небеса дали трещину. Там вдруг возненавидели всё красное. Это, видите ли, цвет заката. Долой красный! Даёшь золотой утренний рассвет и глубокое небо бархатной осени.

Как понимаешь, мы бессильны повлиять на общий ход событий.

Эф-Кэй покачал головой. Тень взглянул на Гонаци и продолжил:

– Такова политическая реальность, и с ней нужно согласиться: Красного Суверена Союза Городов больше нет. Есть – Беспрекословный Монарх Синего Безмолвия, Суверен Союза Городов, Благородный Принцепс Лазурной Области, Тиран Объединенных Племян и Конунг Севера – Гонаци Синих Небес. Учитывая, что раньше было два мировых лидера, то теперь остался один: Белый Государь, Автократор Запада, Верховный Глава и Председатель Свободных Терри-

торий, Цесарь Старых Земель и Базилевс Правобережья. Теперь он Гонаци мировой империи. А когда хозяйка, наконец, после долгой борьбы остаётся единственной и полновластной властительницей на кухне, она непременно наведёт там свои порядки, самозабвенно расставляя всё по полочкам.

Учитывая наши прошлые натянуто-враждебные отношения с Белыми Просторами, нужно ожидать теперь с их стороны всевозможных демаршей.

– Вот слушаю я тебя, и мне почему-то хочется сказать: чушь какая-то несусветная!

– Чушь, – согласился Тень, – глупость. Однако заметь, мы обсуждаем её вполне серьёзно, так сказать, по-взрослому. Условности обретают жизнь благодаря нам – мы принимаем их за правду жизни. И мы с тобой стали заложниками условностей, перекрашивая в красный, всё до чего дотянется лукавая кисть. Все цвета хороши, если они – красные. Белый изменчив. Это цвет загнивания, плесени. Синий кичится своим величием: смотрите, как я недосыгаемо высок для вас, земные черви. Зелёный... – Тень запнулся, – цвет коварства. Он ненавязчиво проникает внутрь сознания, и не замечаешь, как всё вокруг становится зелёным.

– Но ведь так оно и есть, Серый, – выпуская кольца дыма, пробурчал Эф-Кэй.

К чему он клонит? Мир таков, каков он есть, и его не переделаешь. Он сам про это только что говорил. А белые точно начнут вставлять палки в колёса. Да-а, Союз развалился

наподобие карточного домика, а казался таким незыблемым, великим... Великим, великим, – Эф-Кэй несколько раз повторил про себя это слово, будто разглядывая с разных сторон вспыхивающие на свету грани. – Великий, хм.

Сладковато-едкий вкус приятно щекотал нёбо. Да, вот оно, – Эф-Кэй слегка шлёпнул себя кончиками пальцев по лбу, – вот оно. То чувство необычного парения над пропастью. Чувство свободы и независимости от её сладких чар длилось всего лишь мгновение. Тебя подкинули. Ты закричал: вижу! И тут же упал на руки. Тебя подкидывали ещё и ещё, что-то восторженно крича, а тебя уже укачивало и дурманило. И когда, наконец, ноги коснулись земли, она качнулась и поплыла. Ощущение шаткости и непостоянства – островок почвы посреди бездонной трясины, удерживающий тебя переплетением неглубоких корней.

Перед глазами плыли лица. Лица тех, кто подкидывал его и лица тех, кто протолкался поближе в стремлении приобщиться и стать частью событий, прикоснуться к истории, творимой прямо сейчас. Эф-Кэй силился вспомнить те лица. Знакомые черты ускользали от него ночным сном, улетающим сразу после пробуждения, но оставляющим после себя ощущение чего-то, что было. И это ощущение накладывает отпечаток на весь последующий день. Ощущение горечи или, наоборот, сладости. Ощущение необыкновенного волшебства, и преследующий неприятный и отталкивающий привкус кошмара.

Он помнил не лица. Он помнил ощущение события. После приёма запоминается вкус подаваемых напитков и блюд. И забываются слова официальных речей. «О, вино было великолепно!» – «А как назывался суп, приправленный сметаной?» – «Ах, дорогой, я не помню, у них такие странные названия. Я съела с превеликим удовольствием».

Какая-то мысль постоянно ускользала от него. Причём здесь сметана, суп? Эф-Кэй вспомнил посещение Красного Союза Городов.

Приём был на высшем уровне. Играли гимны. Слова о вечной дружбе и взаимовыручке. Ужин в парадной гостиной. Роскошь старинных дворцов. Охота, да-а, великолепная встреча, – Эф-Кэй расплылся в улыбке, – костёр на закате и беседы при закрытых дверях в присутствии доверенных лиц. И договоры, соглашения, меморандумы. О чём? О скрытом присутствии красного в белом. О фиолетовых тенденциях в красном обществе. О противоестественном союзе бело-синих. И снова о набирающем мощь белом. Они сшивали мир цветными нитками с одной стороны, а с другой его перекраивали на свой лад с учётом собственного вкуса и предпочтений.

Эф-Кэй поднялся и прошёлся вдоль ограждения балкона. С моря потянуло свежим ветерком. Тень давно уже замолчал и молча наблюдал за Гонаци. Он понимал, что не следует мешать ходу невидимой мысли, цепляющейся за утёсы в бездне стихий.

Что же произошло? Я так люблю мои Красные Берега. Моя страсть к ним, к моему народу похожа на могучий шторм – стихия.

– Что же произошло, – мысль, поплутав по лабиринтам, вырвалась наружу, обретая новое звучание. Не гулкое эхо замкнутого пространства, а лазурную вольность. Она удивлённо прислушалась, стараясь расслышать сама себя.

– Ты спрашиваешь меня?

Борода посмотрел на мудрого товарища и верного друга, шагнувшего вместе с ним в обжигающее пламя горящих домов, тонувшего в болотах западного побережья и стоявшего рядом, когда над головой звенела певучая медь. В груди потеплело. Он шагнул к бару.

– Давай по маленькой.

– Знаешь, Серый, у меня такое чувство, что мы где-то свернули на боковую дорожку и оставили выбранный однажды путь. – Продолжил Эф-Кэй после того, как наполнил хрустальные фужеры янтарно-золотистой жидкостью. – Мы начали строить дом, забывая о том, кто будет в нём жить. Мы увлеклись балясинами и коньками, оградами и коваными воротами. Перебивая друг друга, подбирали колер для фасада. Нам было важнее сдать объект в срок. Мы были строителями и не были жильцами.

Борода покрутил бокал в руках, словно любясь игрой света в жидком янтаре. И спросил:

– У тебя нет такого ощущения, Серый?

– Давно.

– Что давно?

– С тех пор, как я появился здесь, меня не покидает чувство чего-то забытого на давно пройденном перекрёстке. Точно так же, как и тебя. Но в отличие от тебя, это чувство у меня с самого появления в этой жизни. Всё правильно, Борода, мы любовались этим берегом, а облюбовали кусочек пляжа и территорию под застройку. Мы мечтали о светлом будущем, но тьма преследовала нас. – Тень сделал небольшой глоток из бокала и, почмокал губами, напоминая дегустатора вина. – И знаешь что, – он серьёзно посмотрел на Эф-Кэй, – мы не сворачивали, мы шли так изначально. Мы – невольные заложники своего положения, нам трудно отказаться от самих себя во имя эфемерного всеобщего счастья. Мы заложники времени. Мы здесь и сейчас. И это «сейчас» – наиважнейшее в иерархии ценностей.

Гонаци внимательно слушал. Его карие глаза смотрели грустно сквозь густые облака дыма.

– Неужели ты прав? Мы потоптались, покричали, постреляли и заученно-дрессированно пошли дальше.

Рука с сигарой взлетела вверх, Эф-Кэй потёр тыльной стороной запястья высокий лоб.

В эту минуту он походил на разбуженный вулкан, выпускающий из своего кратера сизые кольца.

Губы Тени тронула лёгкая усталая улыбка.

Как и следовало ожидать, вскоре началось извержение.

Эф-Кэй вскочил с дивана и быстро заходил по балкону.

– Им нужен не лидер! Они идут не за идеей! Им плевать на неё! Они тянутся за харизмой! То, что они больше всего ценят в себе, то же они проецируют на своего вождя, лидера. – Эф-Кэй остановился прямо перед креслом, в котором сидел Тень. – Серый, у меня такое чувство, что я не иду впереди. Меня ведут. Ведут, цепко схватив глазами за руки. «Да здравствует наш предводитель!» – громко кричат в спину. И в какой-то миг я уже не верю в то, что вижу впереди, над головой. Я прислушиваюсь к тому, что кричат за спиной. Ноги наполняются тяжестью. Она поднимается выше и выше! Всё – камень! Изваяние! Идол! Вот кто я – Гонаци Красных Берегов. – Эф-Кэй принял эффектную позу и повторил, – Идол!

Над головой захлопал матерчатый тент под порывами ветра, неожиданно налетевшего с моря.

Гонаци опустился на диван и откинул голову. Сердце сильно колотилось в груди. Так же оно колотилось, когда он на многотысячных митингах доводил свою мысль до кульминации и голос его взлетал над головами и замирал, падая в синеве.

Только голос не разучился летать, – обиженно подумал Эф-Кэй, – а я грузнею и грузнею с каждым днём. Мне открывают двери. Везут в санатории. Массажируют. Умашают. Плюнуть на всё и, как Си-Джи, рвануть куда-нибудь в горы. А собственно, разве он не заглядывал в пропасть, ожидая

её чёрного внимания? Заглядывал, заглядывал, любясь расплывчатым отражением в тёмном омуте.

Эф-Кэй покосился туда, где застыл одушевлённый мрак. Трясина, – подумал он, – трясина, куда хочется шагнуть, испытывая эйфорию приобщения и насыщения. Вечный голод тьмы и это чувство обоюдны.

Гонаци вздрогнул, будто очнулся, задремавши. Тяжёлый вздох вырвался из его груди.

– Да, Серый, однако отступить нам не следует. Наши идеалы на голову выше демагогий и белых, и синих, и зелёных. Нечего тут нюни распускать. Как там, у великого поэта: «... теория скупа, лишь древо жизни зеленеет...» – вроде так?

– Кстати, он жил на синей стороне.

– Поэты не живописцы. Что им твои оттенки и полутона. Слово – их оружие.

– Если бы слово, Борода. Чаще слова – форма мысли, отражение чувств. А любую форму можно выкрасить в какой угодно цвет. Любое отражение приукрасить, соотносясь с желаниями и в угоду праздношатающимся зевакам...

– Серый, при всей моей любви к тебе, позволь сказать, ты заскорузлый пессимист. И такие, как ты, всё выкрасят в чёрный цвет. – Эф-Кэй громко засмеялся. – Не обижайся. Я очень люблю тебя и ценю как самого преданного друга.

– Спасибо, спасибо за комплимент. – Тень и не думал обижаться.

– А если серьёзно, мой друг, хотим мы того или нет, но мы

сами влезли в этот хомут и других посадили, задорно крича: «Прокатим с ветерком». Так что давай утрёмся и потянем дальше, куда вывезет.

– Куда вывезет? Любопытно, – думая о чём-то своём, повторил Тень слова Гонаци.

– Да, куда вывезет. Или точнее: куда вывезем. Мне эта формулировка больше нравится. Я привык действовать. Послушай, Серый, собирайся-ка в дорогу. Поезжай, посмотри, послушай, чем дышат, о чём мечтают теперь в бывшем Красном Союзе Городов. Повстречайся со старыми товарищами. Пообщайся с новыми «властенародцами», что это за явление такое. Надолго ли. Мы сейчас остались в одиночестве. Нам не до кулаков. Как думаешь, правильное решение? – Гонаци вопросительно посмотрел на Тень.

– Думаю, верное.

– Вот и хорошо, договорились. Ну, а вечером жду тебя в гости. Что тебе одному куковать в своём пустом доме. Говорил же тебе, присмотришься. Найди себе хорошенькую островитянку, – Борода лукаво улыбнулся в усы, и дружески хлопнул Тень по плечу.

– Я не скучаю.

– Так что тебя ждать вечером?

– Ждите.

Тень вышел из резиденции и сел в чёрный, начищенный до блеска автомобиль.

Сколько раз просил, – досадливо подумал он, – мне самому не трудно открыть эту чёртову дверцу!

Но вслух промолчал, ныряя в диванную роскошь прошлых десятилетий. Они не позволяли себе слишком часто обновлять автопарк резиденции, считая глупостью тратить деньги за лишние лошадиные силы и миллиметры сверхновой брони.

Автомобиль миновал ворота и понёсся по улицам города.

Тень полюбил островитян с первого взгляда. Как только остановился тогда возле старой лачуги рыбака. Открытые и жизнерадостные, они без лишних вопросов приняли его и усадили за общий стол в полутёмной забегаловке, крытой сухим тростником.

Потом появился Борода со своим маленьким отрядом. Опыанённый жаждой бессмертных подвигов и движимый великой идеей.

– Да здравствует свобода и равенство!

– Да здравствует свобода и равенство! – зачарованно повторил он вслед за загорелыми молодыми людьми, беззаветно преданными своим идеалам.

Он поверил девизу, звучащему так же красиво и призывно, как колокол на соседнем храме Жрецов Культа. Поверил даже больше, чем сами молодые люди. Они верили в нечто недостижимо прекрасное. Они верили, что к радуге можно прикоснуться. И бежали, как дети, навстречу своему семицветному чуду. Он поверил в сквозняки, приносящие све-

жий воздух на сцену жизни, потеющей под пристальными взглядами раскалённых софитов.

Сердечно поблагодарив рыбаков и рыбачек прибрежного посёлка за радушный приём и накинув на плечи тёмно-красный плащ, он устремился вперёд. Навстречу пулям, злобно сеющим смерть среди тех, кто посягнул на святое «сейчас», незыблемое в веках.

Кстати, давно я не посещал моих славных рыбаков. Как они там? Зазнался, зазнался, – пожурил он сам себя, испытывая чувство вины перед теми, кто приютил его тогда. – Надо урвать день, другой и рвануть туда. Можно и Эф-Кэй захватить. А что – идея! Так я и сделаю.

За окном неспешно пробегали мимо, выкрашенные в различные оттенки красного дома. От светло-оранжевого до фиолетового. По улицам шли немногочисленные прохожие.

Тень много бывал по своим служебным и политическим обязанностям в различных странах. И везде наблюдал за поведением простых жителей на улицах городов и селений.

Хорошо быть независимой тенью. Детищем света и не более того. Это позволяет быть бесстрастным сторонним наблюдателем. Словно застывший рыбак на берегу реки, – неожиданно пришло сравнение. – Да, точно, давненько не был в моём прибрежном посёлке, Вот и совесть нет-нет, да и напомнит указательным перстом: пора и честь знать. – Тень представил длинный костлявый перст и заулыбался. –

Да, так о чём я?

Так вот, он сделал любопытные выводы из своих наблюдений. Люди, независимо от положения, ведут себя удивительно одинаково. Будь то «высокочтимый» душегуб, или проныра душеприказчик, или притесняемый всеми душелюб. Неважно. Будто где-то есть общий на всех «механизм», управляющий каждым движением, каждым поступком, каждой мыслью. И он даже сделал для себя открытие: «механизм» скрыт за плотной чёрной занавесью в глубине «зала».

Тень однажды вечером у домашнего камина поделился своим открытием с Цивилиусом. Тот внимательно выслушал и ничего не сказал. Только перед уходом, а делал он это всегда незаметно, Цивилиус буркнул: «Может, хоть поездки освежат твою голову, и ты проснёшься, наконец». Он, помнится, начал тогда возбуждённо отстаивать свои новые идеалы, употребляя слова вроде: «народ», «эксплуатация», «коллективное хозяйство», «светлое будущее». Возражений не последовало – суфлёрская будочка была пуста.

Цивилиус ответил позже, во время посещения Красных Берегов высокой делегацией из Красного Союза Городов, когда подписывался важный договор о взаимных поставках. Договор долго подготавливали на совместных комиссиях. Сверяли, проверяя каждую циферку, цепляясь за каждую запятую.

Помнится, он приходил домой уставший и с двойственным чувством в груди: как будто делим наследство и никак

не можем по-братски разделить – каждый тянет в свою сторону.

– Устал, – раздался знакомый хриплый голос.

– Да.

– Так-так, вот и славно, – обрадовался голос.

– Что же тут славного?

– Ты снова почувствуешь сквозняки. Как в самом начале.

А то смотрю, стал закисать на местном воздухе.

– Шутишь всё, – раздражение не покидало его.

– Ты забыл – я эхо и не могу шутить.

– Ну, да – вроде не при делах. Нашёптываю тут себе под нос. Цивилиус, легко тебе сидеть в твоей чёртовой будке и подсказывать. А ты вылезь сюда и поживи.

– Не-ет, упаси меня... ох ты! вечно я с тобой заговариваюсь. Мне хватает и того, что я здесь и сейчас вынужден зачитывать ваши сценарии.

– Наши ли?

– А это, мой друг, вопрос не ко мне.

– А к кому.

– К себе. К себе и прежде всего к себе. Я что – дух. Фьють, и нет меня. Хотя с вами фьють, – снова негромко свистнул Цивилиус, – не получится. Мы здесь все повязаны.

– Как к себе, если ты его зачитываешь.

– А вы повторяете и низко кланяетесь к тому же, ожидая получить свой кусочек сахара.

– Какой кусочек?! – не понял Тень, – А, ты о переговорах.

– Что переговоры? – пришёл черёд удивляться Цивилиусу.

Тень, оставшись один, потом долго сидел перед камином и пытался понять, что хотел сказать ему Цивилиус...

За окном показалась набережная. Высокие тонкие пальмы застыли вдоль дороги, слегка помахивая зелёными веерами, словно приветствуя далёких путешественников.

– Давай за город, на мыс, – Тень обратился к водителю.

Тот коротко, не оборачиваясь, кивнул головой. Вскоре показались лачуги окраин.

Люди, люди, – ухватился за ниточку прерванной мысли Тень. – Что объединяет вас и что движет вами? Откуда истоки той реки, что подхватывает вас, словно щепки, и несёт неизвестно куда? Говорят, река сама себе протачивает берега. Но почему же она так причудливо изогнута? Не значит ли это, что она всего лишь ищет себе русло там, где ей это позволено?

Люди так похожи в своих побуждениях и мечтах. И такие разные в своих одеяниях и поклонениях.

Одно течение, разные берега. И общее на всех дно, – мелькнуло в голове.

Он побывал во многих странах и видел много лиц. Видел беспристрастно и несколько иначе, чем остальные. Он не был судьёй поступкам и словам – судья всегда сопричастен, хотя бы тем, что он подвержен тем же чувствам и тайным желаниям. И не был зеркалом. Зеркалу необходим об-

раз, иначе оно не будет отражать. Его просто не было в сценарии, как сказал Цивилиус. Он был свободен, как никто другой на сцене жизни.

Казалось бы чего ещё надо? Озорничай и делай глупости, не ведая последствий. Шути и флиртуй. Наскучило здесь, беги дальше. Тебя не одёрнет строгий режиссёр. А зрители примут как за удачную импровизацию. И наградят сверх всякой меры щедрым Об-роком.

Что же тебе ещё надо, Тень? – спрашивал он сам себя. Он не мог забыть загадку своего появления здесь. Его преследовал шрам, оставшийся в памяти – ожог рождения. И он один из многих, многих тысяч, кто ощущал на себе свежесть сквозняка, иногда залетающего неведь откуда. И так же неожиданно пропадающего, оставляя в воспоминаниях образ чего-то светлого и чистого. Нечто лёгкое и невесомое в нём самом тянулось к сквозняку, как тянется к источнику света земной мотылёк. Тянется, невзирая на опасность сгореть. Видимо, руководствуясь одним девизом: «Лучше мгновенно сгореть в лучах света, чем боязливо метаться и прозябать во тьме».

Лёгкий толчок прервал мысли Тени.

– Приехали.

Он вышел из машины и огляделся. Столица напоминала о себе редкой россыпью углых домиков душелюбов и новым кварталом, возвышающимся белым утёсом в нескольких километрах отсюда. Прямо перед ним дружелюбно плескалось

море. Оно накатывалось широкой волной на песчаный пляж, оставляя после себя быстро высыхающую глянцево мокрую поверхность.

Тень блаженно потянул носом. Куда мы все бежим. Зачем?.. Мы? Странно, раньше я употреблял слово «они». Мы? Выходит, и я ударился в непонятные бега. Неизвестно куда и зачем.

Он шёл по самой кромке, разделяющей сухой и мокрый пляж. На ровном песке осталась неровная цепочка его следов.

Мы?

Тень, пройдясь вдоль берега, быстро вернулся в машину.
– Домой.

Очувтившись в полумраке своего красивого и уютного дома, живописно разместившегося в пальмовой роще (говорят, некогда он принадлежал важному сановнику того, свергнутого режима), Тень постоял некоторое время посреди комнаты в нерешительности, затем подошёл к бару.

Глаза скользнули по ярким этикеткам и остановились на графине с соком.

Небольшой садик; над головой безжизненно повис полосатый тент, спасающий от жгучих лучей, но не от тропического, насыщенного влагой зноя. Тень сидел в плетеном кресле у открытой в дом двери, сквозь занавески вырывались спасительные струи воздуха, рождаемые вентилятором, и отрешённо смотрел в пустоту.

Мысли путались и скакали, подобно белкам на ветках: для стороннего взгляда бесцельно.

Люди, разные только внешне, – мысль Тени перепрыгнула на очередную ветку и задержалась на ней, будто прислушиваясь к упругому покачиванию. – А по сути своей мы очень похожи, словно дети одного источника. – Ему вспомнился один оппонент из касты Служителей, прислуживающий в одном из местных храмов: «Нет, люди разные. Как корни тянутся в разные стороны, так и мы имеем разное происхождение, родовые, культурные и исторические связи. Сравните культуры и вероисповедания. Внутри одного сообщества – я с вами соглашусь, и то с натяжкой, ведь духовные ценности подвержены расколу и различным течениям...»

Тень махнул рукой, как будто отмахиваясь от назойливого насекомого.

Споры, споры – конца края им нету, – вздохнул он и отпил из стакана ароматный сок из местных плодов. – Да не разные мы, отбросьте всё наносное и нажитое! Всё искусственное и надуманное. И что же? Вот бриллианты. Большие и маленькие, великие и незаметные, имеющие разные истории своего происхождения и кровавого восхождения к своим вершинам – коронам, скипетрам и ожерельям, а в основе, если приглядеться внимательно, одна и та же кристаллическая решётка. Кому-то очень хочется, чтобы мы были разными. Нам? Может быть. В каждой культуре за яркими разноцветными ширмами скрываются одни и те же устремления, яв-

ные и тайные желания...

Тень потянулся. Потом поднялся из кресла и прошёлся по балкону, не выходя за границу тени, отбрасываемой безмолвствующим тентом. Мысль, повертев головой, перепрыгнула на другую ветку.

У Бороды начали появляться сомнения? Плохо это или хорошо? – Он всегда представлялся ему могучим локомотивом, увлекающим вперёд многочисленные вагоны. – Но разве локомотив не меняет направления... а река? – неожиданно промелькнуло в голове. – Тогда кто укладывает рельсы?.. А впрочем, – Тень в нерешительности остановился возле кресла и, недолго думая, сел, нога на ногу, – он всегда был страстной и увлекающейся натурой. Чего в нём больше: неудержимых эмоций или разбивающей все препятствия духа мысли?

Перед внутренним взором Тени с яркостью и чёткостью диапроектора промелькнули различные ипостаси Гонаци.

Вот он, с автоматом наперевес, хватая струсившего соратника за отворот рубашки и, брызгая словами, увлекает его вперёд силой мышц и собственным примером. И тот, подчиняясь неукротимой воле, поднимается следом, стряхивая с себя песок и остатки рассудка, и тут же падает, задыхаясь собственной кровью. В мёртвом стекле отражаются плывущие по небу облака.

Паузу заполняет чернота, и тут же появляется новый снимок.

Вечером того же дня они оплакивают погибших в дневном бою товарищей. По раскрасневшейся от опьяневшей крови щеке Бороды текут искренние слёзы. Руки, сжатые в кулаки, прижимаются к груди. Помутившийся взгляд блуждает вопросительно по окружающим лицам: «За что!?» Встретившись с близкими и родными погибших, в нём загораются: лучина муки безвозвратной потери и хищный огонёк жажды мести: «Мы обязательно отомстим за каждую каплю пролитой крови!»

Снова мелькает непроницаемо чёрный экран. Вспыхивает узконаправленный луч.

Слабо освещённая комната. Решив уединиться, уставший от дружеской попойки Тень приоткрыл в неё дверь. На кровати он увидел полуобнажённые тела. Мужчину и женщину. Они, не замечая ничего вокруг, полностью поглощённые охватившей их страстью, наслаждались жаркими объятиями и сладостью, которую хотелось, дрожа всем телом, слизывать и слизывать, не насыщаясь её терпким вкусом. Мужчина досадливо обернулся. В склочённой бороде потерялась виновато-похотливая улыбка. На том месте, где должны были быть глаза (лицо было освещено наполовину) плясали в неистовом танце искры, подчиняясь только им слышимым ритмам. «Идите прочь! Закройте дверь с той стороны! Чёрт вас подери! Нельзя остаться наедине с моей любимой женщиной!..» Уже захлопывая дверь, Тень услышал за спиной томный женский смех и мужской баритон: «Иди ко мне, моя

сладкая, в этом мире никто не смеет помешать мне...»

Тень передёрнуло от этого воспоминания, как будто он прикоснулся к липкой паутине.

И снова темнота поглотила всё вокруг. Вздвогнув, ожила следующая картинка.

Большая площадь в центре столицы, заполненная взбужденными и кричащими людьми. Пространство между домами похоже на штормящее в гневном море. Он видит толпу с высоты второго этажа из-за спины Эф-Кэй. Разгорячённый долгой темпераментной речью, тот широко жестикулирует. Он не видит его горящих тёмных глаз и энергичного лица, он представляет его. И что удивительно, лицо неуловимо многолико, словно все предыдущие диапозитивы слились в один образ. В какой-то миг Гонаци повернулся к нему в профиль. Тень напрягся, ожидая услышать из властных уст: «Закрой-те дверь!»

Тень прикрыл глаза и, наслаждаясь покоем, несколько минут сидел недвижно. Затем лениво потянулся за стаканом, покрытым прозрачными каплями.

Сомнения? Или ощущение пустоты преследует нас всегда, когда исполняется всё, предназначенное нам здесь, – Тень поднял стакан на высоту глаз. Вспомнилось избитое выражение: «Стакан наполовину пуст или наполовину...»

Сейчас там, среди белых и синих, очень модно обращаться к психологам – служителям-медикусам, принадлежащим всё тому же Совету Спиритус. Интересно, какой диагноз

прозвучал бы из их уст? Что-нибудь этакое, заумное, из которого я бы понял только одно: «Вы устали». – Тень улыбнулся, – глупо, если бы не было правдой жизни. И всё-таки интересно для меня: стакан наполовину пуст или наполовину полный? Хм, да-а...

В последнее время он ощущал в себе некую пустоту. Как этот стакан, из которого кто-то отпил половину живительного сока.

Повертев стакан перед собой, наблюдая за преломлением в гранях, он поставил его на стол.

Что-то надломилось в нём самом, подобный надлом он почувствовал и в своём товарище. Поседевшем и открывшемся разным болезням. Некоторые списывают такое состояние на возраст, мол, такова жизнь. Возможно. Возможно, в чём-то они будут правы. Но только наполовину. Это уж точно. Да, он не медикус, но кто, если не он, лучше всех знает и чувствует себя. А? И он – Тень – со всей уверенностью заявляет всем маститым медикусам из всесильного Совета Спиритуса: то, что он слышит в себе – не признаки старости! Старость – это когда... – тут мысль запнулась. Взгляд, побродив вокруг, словно в поисках подсказки, всё-таки нашёл её, остановившись на круглом столике. – Старость – это когда вся влага испарится из сосуда-тела, а на доньшке останется высушенная взвесь. Нет, то, что происходило с ним, не было похоже на приближающуюся старость. Его будто осушали мелкими глотками. Кто-то, в ком была неиссякаемая жажда.

Ведь опорожняли не только его. – Тень поднёс полупрозрачное гранёное стекло к губам, – не спрашивая, пьют и пьют из него.

– Жарко.

– Да, душно. Парит. – машинально ответил Тень и тут же быстро обернулся, – Цивилиус?

– Я, я, а кто же ещё без спроса войдёт к тебе через охраняемые стены.

Тень смутился на мгновение

– Кому как не тебе знать, что происходит вокруг.

– Знаю, конечно. знаю. Мне прелюбопытно было бы узнать, что происходит в тебе, мой славный друг. Чем дышит Тень, ставшая серым, тайным соправителем Гонаци.

– Чем? – Тень поднялся, подошёл к кованому ограждению балкона. Постоял, вздохнул глубоко и вернулся в спасительный полумрак тента, остановившись возле хорошо знакомой пустующей будочки. – Чем, спрашиваешь... если бы я знал ответ. Чем? Ещё вчера во мне была уверенность во дне сегодняшнем. И вот он наступил – этот день... И что? Пустота, Цивилиус, пу-сто-та.

– Ты чувствуешь себя выпитым и не можешь понять, кто же всё-таки пил. Ты? Или кто-то другой? Правильно.

Веки Тени метнулись вверх. В глазах застыло крайнее удивление. Как?! Он сам говорил: «Тебя нет в сценарии», – промелькнуло в голове.

– А ты не удивляйся милоч, не удивляйся, – задрезжал

голос Цивилиуса. – Когда я тебе говорил «иди», нужно было идти, а ты только прогулялся до этого берега. Осел! Остепенился, так сказать. Даже стал частью происходящих здесь событий. М-да. Что ж, молодец. Похвально, весьма похвально. Высокий пост. Персональный автомобиль. Можно сказать, добился своим самоотверженным трудом и рискуя под пулями.

Тень сделал слабую попытку оправдаться.

– Цивилиус, зачем ты так! Тебе хорошо известно моё отношение ко всем этим цацкам.

– А как же – осведомлён. Заметь. Раньше ты вёл себя по-детски, наивно. И вот прошло время, и ты повзрослел. А повзрослевши, начинаешь оправдываться. Знакомо и уже успешно набить оскомину. Ты стал для меня, как и все, – открытая книга. Тебя не трудно прочитать, Тень. Вот откуда моя проницательность. Причина её скрывается в тебе, а не во мне. Время и сцена поглотили тебя всецело. Ты хочешь знать, кто осушил тебя. Кто тот неизвестный, опустошивший тебя?

Тень, не замечая, вытянул шею.

– Не напрягай свой слух – откровенничать я не собираюсь. Знания ещё никому не помогли оставить эту сцену. Они только добавляют трагичности или комичности (в зависимости от ситуации и места) в мизансцену.

– Я и не собирался оправдываться, Цивилиус! – раздражение, копившееся в последнее время, вырвалось наружу. Ему хотелось высказаться. Излить перед кем-то жёлчь собствен-

ной неудовлетворённости теми результатами, к которым он так искренне стремился, а на поверку оказавшимися не тем, чего он ожидал достичь: разве мои дела и помыслы не были движением? Движением к справедливости и всеобщему счастью. А? Я тебя спрашиваю! Не были?!

– Кх-кх, – старчески откашлялся Цивилиус, – ты когда-нибудь видел белку в колесе?

– Ты хочешь сказать...

– Ничего я не хочу – ты сам всё сказал, мой ищущий друг. Если кого угодно посадить в закупоренную бочку и сказать ему: «Очисти её от налёта и осадков», – он никогда не исполнит просимого, как бы ни старался и какие бы труды ни прилагал. Вот почему я не хочу становиться твоим пророком, стуча, что есть сил, по стенкам злополучной бочки. Всё, чего я достигну, – оглушу тебя. Что бы очистить бочку, её надо покинуть. Встать над ней и ни в коем случае в ней.

– Покинуть! Покинуть! Как, Цивилиус, как!? Разве я не жил этой мечтой, просыпаясь и засыпая с ней!?

– Жил. Конечно, жил. На сцене. И ещё людей водил за собой. По сцене.

– Знаешь что, мой милый друг, ты и есть пустая, бездушная бочка! Кричи в неё, кричи, она только и будет что делать, так это бухать в ответ и гудеть, уподобляясь жалкому колоколу! Ты пустота! Ты ничто! – Тень распался всё больше и больше, против своей воли. Какая-то сила заставляла его выплёскивать свою обиду, и чтобы непременно брызги заде-

вали ещё кого-то. – Ты...

Неимоверным усилием ему удалось сдержать себя. Накрыть крышкой кипящий котёл. Тень стоял посередине балкона в какой-то нелепой сторбленной позе обиженного ребёнка. Губы его дрожали и кривились. Казалось, откройся они, и оттуда вырвутся со свистом клубы пара, обжигая и обволакивая. Руки, выставленные чуть-чуть вперёд, образовывали некое подобие полукольца со сжатыми кулаками на концах.

– Да-а – насколько всемогущ и вечен Триумvirат. Поразительно просто, я снимаю шляпу.

– Триумvirат? Ты сказал Триумvirат? Причём здесь Триумvirат? И что он... или кто?

– Да я к тому, что для него нет ничего недоступного. Тебя нет в сценарии. Не беда. А как с чувствами? О-о как ты реагируешь – великолепно! Великолепно. А потеряем-ка мы твоё Я. Заденем самые тонкие струны. О, какое высокое звучание! Прекрасно! Прекрасный результат. Дружище, если ты хочешь обижаться на меня, то можешь высказать всё, что у тебя на душе накопело в пустое пространство суфлёрской будочки. Тебе станет легче. Результат, конечно, временный, но, как говорится, тоже результат. На твоём месте я спросил бы себя. Спросил спокойно, не прибегая к услугам эмоций. «Скажи мне, Тень, как ты дожил до такого дня, когда незаметно для самого себя стал рабом собственного Я? Как Я, кого не было в сценарии, стал чуть ли не главным дей-

ствующим лицом на сцене? Ведь я был свободен... ну почти свободен. Оставалось только шагнуть навстречу сквознякам. Когда я протянул руки и, опустив голову, позволил сковать себя?»»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.